

Ника Мур — Адвокат для дочери мельника..

Ника Мур

АДВОКАТ

для дочери мельника..

попаданка

Ника Мур

Адвокат для дочери мельника.

«Литнет»

2026

Мур Н.

Адвокат для дочки мельника. / Н. Мур — «Литнет», 2026

— Леди, вы понимаете, что за такие речи вас могут сжечь на костре? — лорд-судья Райан Дельмар навис надо мной, обжигая ледяным взглядом пронизательных глаз. — В соответствии с Уложением о правах сословий от четырнадцатого века, милорд, для сожжения необходим состав преступления, показания трех честных свидетелей и полное отсутствие у обвиняемой алиби.. — Кто вы такая?.. — прошептал судья, и в его глазах гнев впервые сменился опасным азартом...Вчера я была акулой юриспруденции, шелкала дела как орехи и не знала поражений. Сегодня я — Алис, дочь мельника в захолустном королевстве, где закон — это то, что приснилось местному графу после кружки эля. Мой отец в долгах, меня принуждают к браку с противным стариком, а «любовь всей жизни» бывшей хозяйки тела — смазливый предатель.Все думают, что я — лишь разменная монета в чужой игре? Как бы не так! Я наведу порядок на этой мельнице, заставлю приказчиков выучить таблицу умножения и докажу, что даже в мире магии есть один верный прием — законная лазейка.Держитесь, Ваша Милость! Процесс пошел, и я не успокоюсь, пока не вынесу вам окончательный вердикт.В тексте вас ждут: ✓ Попаданка с характером: 35 лет опыта и адвокатская хватка против средневекового произвола. ✓ Интеллектуальная дуэль: когда искры летят не от магии, а от столкновения двух блестящих умов. ✓ Бытовое обустройство: превращаем убыточную мельницу в прибыльный бизнес (и попутно строим всех виноватых). ✓ Тайны прошлого: семейный перстень, зашифрованные письма и наследие, за которое убивают. ✓ Настоящий мужчина: холодный, властный лорд-судья, который встретил достойную соперницу. ✓ Хэппи-энд: справедливость восторжествует, а любовь не потребует апелляции!

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5(Джулиан Вейн)	33
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9(Джулиан Вейн)	54
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12(Джулиан Вейн)	71
Глава 13	77
Глава 14	84
Глава 15	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

— Господа присяжные, правосудие — это не слепая женщина с весами. Это мы с вами.

Это каждый документ, каждая подпись и, главное, каждая секунда, потраченная на поиск истины.

Мой голос звучал в зале суда идеально: низкий, уверенный, с той самой

бархатистой хрипотцой, которая заставляла мужчин выпрямлять спины, а

судей — прислушиваться. Я поправила дужку очков в тонкой золотой оправе и

позволила себе едва заметную улыбку. Дело «Смирнов против холдинга» было

моим триумфом. Триста миллионов исковых требований, два года подготовки и семь часов финальных прений.

Я победила. Я видела это по глазам председательствующего.

Внезапно в груди что-то лопнуло. Не больно, скорее странно — словно внутри меня

резко оборвалась туго натянутая струна. Воздух в зале вдруг стал густым, как

патока. Лица присяжных поплыли, превращаясь в белые пятна. Я попыталась

опереться рукой о полированную поверхность стола, но пальцы не нащупали

опору.

«Секундочку», — подумала я с профессиональным раздражением. — «У меня еще

реплика. Я не закончила...»

Последним, что я запомнила, был оглушительный звон разбитого стакана и крик

моего помощника: «Елена Викторовна! Врача!»

А потом наступила темнота. Не та, в которой спят, а та, которая окончательно и

бесповоротно ставит точку в конце предложения.

Пробуждение было ужасным.

Первым вернулось чувство холода. Он был повсюду: просачивался сквозь кожу,

выкручивал суставы, ледяными иглами впивался в легкие. Я попыталась

вдохнуть, но вместо воздуха горло обожгло горькой, пахнущей тиной жижей.

Я закашлялась. Судорожно, до боли в ребрах, выплевывая из себя мутную воду. Тело

содрогалось в конвульсиях, пальцы скребли по чему-то скользкому и твердому.

Каменные плиты. Мокрые, покрытые склизким налетом.

Глаза удалось открыть не сразу. Веки казались свинцовыми, а зрение —

предательски нечетким. Где мои очки? Без них мир превращался в

расфокусированное месиво. Но даже сквозь эту пелену я поняла: это не

реанимация. И уж точно не мой кабинет.

Я лежала на боку, съежившись в позе эмбриона. Надо мной нависал низкий сводчатый

потолок, сложенный из грубого булыжника. Единственным источником света было

крошечное, зарешеченное оконце под самым потолком, сквозь которое

пробивался серый, болезненный свет угасающего дня.

— Так, — прохрипела я. Голос был чужим. Слишком высоким, ломким, девчоночьим. —

Оценка ситуации. Факт первый: я жива. Факт второй: локация изменилась. Факт

третий...

Я попыталась подняться, опираясь на руки, и замерла, уставившись на свои ладони.

Это были не мои руки.

Где мои безупречный маникюр цветом «пыльная роза» и тонкие пальцы с фамильным

кольцом на мизинце? Передо мной были маленькие, узкие ладони с обломанными

ногтями и вьедшейся в кожу грязью. Кожа была бледной до синевы, а запястья —

пугающе тонкими, почти прозрачными.

Я опустила взгляд ниже. Вместо делового костюма-тройки от итальянского дизайнера

на мне была мокрая, тяжелая сорочка из грубого, колючего холста. Она облепляла

тело, которое было... другим. Тонким, нескладным, лишенным моих привычных

изгибов.

«Перенос сознания? Галлюцинация? Посмертный бред?» — мой мозг, выдрессированный

годами сложнейших уголовных процессов, отказывался паниковать. Паника — это

потеря контроля. Потеря контроля — это проигрыш.

— Инвентаризация, — скомандовала я себе.

Я провела рукой по волосам. Длинные, спутанные, липкие от речной тины. На ощупь

— светло-русые. Лицо — скуластое, кожа гладкая, ни одной морщинки. Возраст?

Лет восемнадцать, не больше. В голове вдруг вспыхнула вспышка чужой памяти,

такая резкая, что я едва не потеряла сознание снова. Темная вода омута.

Слишком холодная. Тяжесть в груди. Желание, чтобы всё это просто прекратилось. Обида, такая густая и черная, что она казалась материальной. Имя — Алис. Дочь мельника. Сделка.

«Она пыталась утопиться», — констатировала я, привалившись спиной к мокрой стене. — «Девчонка не выдержала давления и решила выйти из игры. А я... я заняла её место».

Тишину подвала нарушал только мерный, глухой стук где-то сверху. Тук... тук... тук... Громадное колесо мельницы. Оно вращалось, перетирая зерно в муку, и этот звук отдавался в моих висках тяжелым молотом.

Запах здесь был специфическим: смесь сырости, старой муки, мышиного помета и чего-то сладковато-гнилостного. Подвал мельницы. Настоящий, средневековый или около того.

Внезапно правое запястье обожгло. Я инстинктивно схватилась за руку, сдавленно вскрикнув. Прямо под кожей, там, где бьется пульс, начал проступать рисунок.

Багровые, светящиеся изнутри нити сплетались в сложный узор, напоминающий терновую лозу. Ощущение было такое, будто мне под кожу заливают кипящий свинец.

— Что это за чертовщина? — выдохнула я, рассматривая клеймо.

Рисунок запульсировал и затих, превратившись в темный, почти черный шрам. Это не было татуировкой. Это была печать. Юридический маркер этого мира. Я видела такие в фильмах, но ощущать это на собственной шкуре было совсем другим опытом. Клеймо словно шептало о правах собственности.

И я была объектом этого права.

Сверху раздались шаги. Тяжелые, уверенные. Скрипнула половица, затем послышался приглушенный голос — мужской, надтреснутый, вибрирующий от сдерживаемых рыданий.

— Господин приказчик, молю вас... Она же едва дышит. Она упала в воду случайно!

Дайте ей прийти в себя, завтра мы всё обсудим...

— Хватит скулить, Томас, — ответил второй голос, и от его интонаций у меня по

спине пробежал холодок. Холодный, сухой, абсолютно лишенный эмпатии. Так говорят коллекторы, когда знают, что закон на их стороне, а у жертвы нет ни единого шанса. — Твоя дочь — единственное ликвидное имущество, которое у тебя осталось. Срок уплаты долга истек сегодня на рассвете. Магическая печать на её руке активирована. Теперь она принадлежит графу Олдену. Живая, мертвая — неважно. Его светлость заберет то, что причитается ему по контракту. — Но она же дитя! — вскрикнул отец Алис. — Графу шестьдесят лет! О нем ходят такие слухи... Пощадите! — Пощада не входит в перечень моих должностных обязанностей, — отрезал приказчик. — Отпирай дверь. Мы проверим её состояние. Если она в сознании — заберем сейчас. Если нет — я пришлю повозку через час. Граф не любит ждать, а его законное право закреплено Кровным Уговором. В замке подвальной двери заскрежетал ключ. Звук был такой, словно кто-то проводит напильником по моим зубам. Я мгновенно подобралась. Холод и слабость никуда не делись, но адреналин — мой верный союзник во всех судебных баталиях — уже начал свою работу. «Так, Елена Викторовна», — подумала я, стараясь унять дрожь в коленях. — «У нас есть: кабальный контракт, залог в виде человеческого существа, отсутствие дееспособного защитника и магическое обременение. Классическая схема рейдерского захвата в условиях феодального беспредела». Дверь медленно отворилась, пронзительно скрипнув ржавыми петлями. В проеме обрисовались два силуэта. Первый — высокий, плотный, в дорогом на вид камзоле темного цвета и в широкополой шляпе. В руке он держал длинный хлыст с серебряной рукоятью. Это был приказчик. Он смотрел на меня так, как смотрят на залежалый товар на полке — с безгловым интересом. Второй — пониже, сутулый, в простой рубахе, перепачканной мукой. Его лицо, изборожденное морщинами, было мокрым от слез. Мой новый «отец». Томас. — О, гляди-ка, очухалась, — приказчик сделал шаг вперед, и тяжелый запах

дешевого табака и старой кожи заполнил пространство. — Крепкая девка. В

омуте не утонула, в подвале не замерзла. Графу такие нравятся.

Томас бросился ко мне, упав на колени прямо в грязь.

— Алис! Доченька! Ты жива... Прости меня, дурака, прости! — он потянулся к моим

рукам, но приказчик бесцеремонно отодвинул его носком сапога.

— Оставь нежности для покойников, мельник. Вставай, девка. Пойдешь со мной. У

ворот ждет охрана.

Я медленно, очень медленно поднялась. Ноги подгибались, мокрая сорочка весила

целую тонну, но я заставила себя выпрямить спину. Осанка — это пятьдесят

процентов успеха в переговорах.

— На каком основании? — спросила я.

Голос прозвучал тихо, но четко. В подвале воцарилась такая тишина, что стало

слышно, как шуршит мышь в углу. Приказчик замер, нахмурившись, словно не

поверил своим ушам.

— Что ты сказала?

— Я спросила, на каком юридическом основании вы требуете моего немедленного

перемещения? — я перевела взгляд на свое запястье, где чернело клеймо. —

Если вы ссылаетесь на долговое обязательство, я требую предъявить оригинал

договора для ознакомления. А также протокол оценки имущества.

Томас открыл рот, издав какой-то невнятный звук. Приказчик же медленно опустил

хлыст. В его глазах отразилось недоумение, которое быстро сменилось злобой.

— Ты что, воды речной перепила, дрянь? — он шагнул ко мне, угрожающе возвышаясь.

— Ты — имущество. Твой отец подписал Кровный Уговор. Твое мнение здесь весит

меньше, чем мучная пыль на моих сапогах.

— Любой договор может быть оспорен, если он нарушает базовые принципы права или

был заключен под давлением, — я сделала шаг навстречу, игнорируя слабость. Мой

взгляд, отточенный годами допросов, впился в его лицо. — Вы упомянули Кровный

Уговор. В какой юрисдикции мы находимся? Кто является гарантом сделки? И

проводилась ли независимая экспертиза подлинности подписи?

Приказчик отступил на полшага. Не от страха, нет. От шока. В его мире

крестьянские дочери не говорили о юрисдикциях. Они плакали, молили о

пощаде или тупо смотрели в пол.

— Она... она точно повредила умом, — прошептал он, оглядываясь на Томаса. —

Бредит на языке законников.

— Я не брежу, — я позволила себе холодную, хищную улыбку, от которой приказчик

дернул щекой. — Я констатирую факт: вы пытаетесь изъять объект залога без

надлежащего уведомления и соблюдения процессуальных норм. Это называется

похищением. И я советую вам убрать хлыст, пока я не внесла его в список

отягчающих обстоятельств.

В этот момент клеймо на моей руке снова вспыхнуло жаром. Я поморщилась, но не

отвела взгляда.

— Идем, — приказчик внезапно схватил меня за плечо, его пальцы впились в плоть,

как железные клещи. — Мне плевать, что ты несешь. Граф Олден разберется с твоим

языком. В его замке быстро учат молчать.

Он потащил меня к выходу. Томас что-то кричал, хватая его за полы камзола, но

его грубо оттолкнули.

Меня вывели из подвала. Свежий воздух после затхлого помещения показался мне

божественным, но я не успела им насладиться. Перед мельницей стояли трое

верзил на лошадях, облаченные в кожаные доспехи с гербом — оскаленной

головой волка.

Меня буквально закинули в повозку, застеленную грязной соломой.

— Везите её в замок, — бросил приказчик охранникам. — И заприте в западной

башне. До приезда графа — никакой еды. Только вода. И завяжите ей рот, если

начнет снова сыпать своими странными словами. Это явно какое-то проклятие.

Повозка тронулась, подпрыгивая на ухабах. Я смотрела на удаляющуюся мельницу, на

фигуру отца, который стоял на коленях в пыли, закрыв лицо руками.

«Ну что ж, Елена», — сказала я себе, устраиваясь на жесткой соломе и пытаясь

унять дрожь. — «Первичный осмотр завершен. Мы в полной заднице, закон здесь

— это дубина, а твой клиент — ты сама. Заседание объявляется открытым. И,

клянусь всеми кодексами, которые я когда-либо читала, этот граф еще

пожалее, что решил связаться с адвокатом».

Клеймо на руке затихло, но я чувствовала его тяжесть. Оно было как кандалы. Но

любые кандалы можно взломать, если знать, где находится слабое звено.

Я закрыла глаза, начиная методично вспоминать всё, что успела услышать за

последние пятнадцать минут. Каждое слово, каждую интонацию. В этом мире

была магия, была власть и были Кровные Уговоры. Но там, где есть правила,

всегда есть способ их обойти.

Дорога в замок только начиналась. И это была единственная дорога, которая вела

меня обратно к жизни.

Глава 2

Колеса повозки глухо стучали по корням старых ив, и каждый толчок отзывался в моих висках вспышкой тупой боли. Солома под телом была колючей, сырой и пахла плесенью. Я лежала, глядя в серое небо, и чувствовала, как жизнь в этом новом, хрупком теле медленно возвращается в нормальное русло, сменяя ледяное оцепенение лихорадочным жаром.

— Шевелись, дохлятина, — проворчал один из стражников, ехавших верхом рядом. —

Если подохнешь по дороге, граф с нас шкуру спустит.

Я медленно села, опираясь локтем о борт повозки. Грязь на лице подсохла и стягивала кожу, мокрая сорочка неприятно холодила спину. Приказчик Олдена, ехавший впереди на гнедом мерине, даже не оглядывался. Он был уверен в своей силе. Уверен в том, что закон — это он сам.

Стандартная ошибка дилетантов.

— Стойте, — сказала я.

Голос был тихим, но в нем прорезалась та самая стальная нота, которой я когда-то затыкала самых крикливых оппонентов в Таганском суде. Повозка не остановилась.

— Я сказала: остановите транспортное средство, — я повысила голос, вложив в него максимум властности. — Сейчас же.

Приказчик натянул поводья и медленно развернул коня. На его лице, лоснящемся от жира, застыло выражение крайнего изумления. Охранники тоже притормозили, переглядываясь.

— Ты что-то вякнула, девка? — приказчик прищурился, поигрывая рукоятью хлыста.

— Я констатирую факт ненадлежащей транспортировки залогового имущества, — я выпрямилась, насколько позволяла трясущаяся от холода спина. — Посмотрите на меня. Я в состоянии тяжелого шока после попытки суицида. На мне мокрая одежда, у меня явные признаки переохлаждения и, вполне вероятно, начальная стадия воспаления легких. Если вы довезете меня до замка в таком виде, господин приказчик, вы доставите графу не невесту, а труп. Или, что еще хуже для вашей карьеры, неизлечимо больную калеку.

Я сделала паузу, давая ему возможность проглотить эту информацию. Приказчик нахмурился. В его глазах отразилась тяжелая мыслительная работа.

— Графу Олдену нужно ликвидное имущество, — продолжала я, стараясь говорить максимально сухо и профессионально. — Красивая, здоровая девушка, способная выдержать свадебную церемонию. Если я умру в ваших руках или окончательно лишусь рассудка по дороге, кто будет отвечать за порчу имущества? Вы?

— Она точно ведьма, — прошептал один из охранников, набожно коснувшись какой-то подвески на груди. — Говорит, как проклятая.

— Тише ты! — рявкнул на него приказчик, но я видела — зерно сомнения упало в благодатную почву его страха перед начальством. — Слушай сюда, Алис. Ты думаешь, твои умные слова тебя спасут?

— Мои слова спасают вашу голову от паники, — отрезала я. — Посмотрите на небо. Скоро стемнеет. До замка еще несколько миль пути по холоду. Верните меня на мельницу. Дайте мне обсохнуть, согреться и прийти в надлежащий вид. Мой отец никуда не сбежит — вы сами сказали, что он заложен. А я... я под магическим клеймом. Куда я денусь?

Я продемонстрировала ему запястье. Черный узор печати в сумерках казался глубоким разломом в самой реальности.

Приказчик выругался. Долго, витиевато, помяная демонов и всех святых. Он явно взвешивал риски. С одной стороны — приказ графа. С другой — перспектива привезти хозяину хладное тело вместо молодой жены.

— Поворачивай! — наконец приказал он вознице. — В подвал её. Пусть старик Томас её отмоет и накормит. Завтра на рассвете заберем. Если она к утру не будет сиять как медный таз, я лично выпорю мельника до костей.

Повозка начала неуклюже разворачиваться на узкой дороге. Я откинулась на солому и прикрыла глаза. Первый раунд остался за мной. Я выторговала себе несколько часов — самую дорогую валюту в мире, когда у тебя нет ничего, кроме собственного разума.

Подвал мельницы встретил меня той же сыростью, но теперь здесь горел крохотный

огарок свечи. Приказчик лично запер дверь на тяжелый засов, предварительно

проверив решетки на окнах.

— Сиди тихо, адвокатша, — процедил он сквозь щель в двери. — И молись, чтобы за

ночь не померла.

Шаги за дверью затихли. Я осталась одна. Тишину прерывал только мерный,

успокаивающий шум воды за стеной и тяжелое дыхание человека. Томас

сидел в углу, на куче старых мешков, обхватив голову руками.

— Алис... — прошептал он, когда я подошла ближе. — Алис, зачем они тебя вернули?

Что они задумали?

— Они ничего не задумали, Томас, — я присела на корточки рядом, стараясь не

морщиться от боли в затекших мышцах. — Просто я объяснила им, что товар

должен быть в сохранности. Посмотри на меня.

Он поднял лицо. В тусклом свете свечи он выглядел древним стариком, хотя ему

вряд ли было больше пятидесяти. Мучная пыль забилась в глубокие морщины,

глаза покраснели от слез и бессонницы. В этом мире мельник явно не входил в

список привилегированных сословий.

— Ты... ты не моя Алис, — выдохнул он, всматриваясь в мое лицо. — Моя девочка

никогда бы так не посмотрела. И так не сказала. В твоих глазах... холод. Как

в омуте.

— Твоя Алис пыталась покончить с собой, — жестко сказала я. — Она не выдержала.

Считай, что в тот момент, когда она коснулась дна, её душа изменилась. Или в

неё вселился дух справедливости — зови как хочешь. Но если ты хочешь, чтобы

мы выжили, тебе придется отвечать на мои вопросы. Четко и без истерик.

Понимаешь?

Томас вздрогнул, но медленно кивнул. Моя холодная отстраненность подействовала

на него как ушат ледяной воды — он перестал дрожать.

— Нам нужно обсудить твой долг, — я устроилась поудобнее на холодном камне. —

Рассказывай. Как ты оказался в этой яме? Мельница выглядит крепкой, река не

пересыхала. Откуда взялись недоимки?

Томас тяжело вздохнул, его пальцы начали машинально перебирать складки старого

мешка.

— Всё началось два года назад, — заговорил он глухо. — Граф Олден поднял налог на «использование королевских вод». Сначала на четверть, потом вдвое. А потом... потом начались штрафы. Приказчики приходили каждую неделю. То вода у меня «слишком тихая», то «слишком быстрая», то мука не того помола. Они записывали долги в книгу, а я подписывал. Я же читать почти не умею,

Алис... Только цифры знаю.

— Штрафы за «тихую воду»? — я не сдержала ироничного смеха. — Классика административного произвола. А что контракт? Ты подписал Кровный

Уговор?

— Полгода назад, — Томас закрыл глаза. — Когда долг стал таким, что мне и за три жизни не выплатить. Граф приехал сам. Сказал, что если я подпишу Уговор, он простит все недоимки. Сказал, что это просто формальность, залог того, что мельница останется в его округе. Я приложил палец с кровью к пергаменту... А когда приложил, на моем запястье, Алис, проступил этот знак. Граф тогда улыбнулся и сказал: «Теперь она — гарант нашей сделки».

— Значит, ты зложил не мельницу, а меня, — констатировала я. — Магическое поручительство с переходом права собственности на предмет залога в случае

невыплаты. Очень изящно. Где этот документ? У тебя должна быть копия.

— В замке у графа... — начал Томас, но я перебила его:

— Нет. По закону жанра и любого нормального права, второй экземпляр или хотя бы расписка должны быть у тебя. Ищи, Томас. Вспоминай, куда ты его спрятал. Он замялся, затравленно озираясь на дверь.

— Граф сказал никому не показывать... Сказал, если кто узнает — мельницу сожгут.

— Томас, её и так заберут. А нас либо убьют, либо превратят в рабов. У нас нет

выбора. Неси бумагу.

Мельник медленно поднялся и подошел к стене под лестницей. Там, под слоем старой соломы и мусора, скрывался неплотно прилегающий камень. С натугой он вытащил его, извлекая небольшой сверток, обернутый в промасленную кожу. Я почти выхватила его из его рук.

Как только мои пальцы коснулись свертка, запястье прошло коротким электрическим разрядом. Клеймо отозвалось — глухо, вибрирующе. Это был резонанс. Документ и печать на моем теле были связаны невидимой пуповиной. Я развернула пергамент. Он был тяжелым, непривычно гладким и пах чем-то терпким, напоминающим запах озона перед грозой. При тусклом свете свечи текст казался обычным: витиеватые буквы, стандартные формулировки о «передаче прав в счет уплаты задолженности в размере тысячи золотых марок». Но стоило мне прищуриться, как буквы начали двигаться. — Так-так, — прошептала я, поднося пергамент ближе к огарку. — Второе дно.

Двойная запись. Магическая стеганография. Это был мой профессиональный навык — видеть то, что скрыто за красивыми фразами.

Но здесь это работало буквально. Под основным слоем чернил, написанных на местном языке, проступал мерцающий фиолетовый контур другого текста.

Древнего, угловатого, похожего на руны.

— Что там, Алис? — Томас испуганно заглянул мне через плечо. — Что ты там видишь?

— Я вижу ловушку, Томас. Ты подписал не просто долговое обязательство. Смотри сюда, — я указала пальцем на абзац, который в обычном виде казался условиями хранения зерна. — В магическом слое здесь написано: «Объект залога переходит в полную и вечную собственность кредитора без права выкупа, если в дату полнолуния сумма не будет внесена полностью». И еще... «Кровь гаранта питает землю кредитора».

Я похолодела. Это было не просто рабство. Олден собирался использовать Алис для какого-то ритуала, связанного с землей. Кровь Хранителей? Помнится, в плане было что-то о тайне матери...

Я продолжала жадно вчитываться в текст, игнорируя слезящиеся от напряжения глаза. Каждая буква сопротивлялась мне, слова ускользали, пытались запутать сознание. Но я была адвокатом со стажем. Я умела читать документы, написанные так, чтобы их никто не понял.

И тут я это увидела.

В самом конце договора, там, где стояла витиеватая подпись писца и кровавое

пятно — подпись Томаса, магический узор образовывал небольшую петлю.

Крошечную оговорку, почти неразличимую в общем хаосе рун.

«...И до тех пор, пока Гласность не явлена будет пред ликом Справедливого,

уговор сей считается частным и неоспоримым».

Гласность.

Мое сердце пропустило удар. В моем мире это был один из фундаментальных

принципов правосудия. В этом мире, судя по всему, это была древняя

юридическая лазейка.

— Томас, — я резко обернулась к нему. — В этом королевстве есть закон о «Гласном

разбирательстве»? Или что-то вроде права голоса перед общиной?

Мельник нахмурился, мучительно соображая.

— Гласность... — протянул он. — Старики сказывали, что в древние времена, еще до

того, как графы стали здесь хозяевами, любой человек мог выйти на площадь и

трижды ударить в колокол Суда. Тогда лорды обязаны были слушать его дело

при народе. Но колоколов тех давно нет, Алис. Их переплавили на пушки еще в

прошлую войну.

— Колокола нет, а закон остался, — я почувствовала, как по телу разливается

азартный жар. Тот самый, который я ощущала перед началом самого сложного

процесса. — Лазейка в том, что контракт считается «частным». Это значит, что

он действует, пока о нем знают только двое. Но если заявить о споре публично,

магическое действие приостанавливается. Древний писец оставил эту оговорку. Он

знал, что магические контракты — это зло.

Я снова посмотрела на клеймо. Теперь оно не казалось мне таким страшным. Это был

идентификационный номер дела. Мой входной билет в игру.

— Послушай меня, Томас. Завтра на рассвете за мной придут. Они будут ждать слез

и покорности. Но мы сделаем по-другому. Ты пойдешь в деревню. К старосте.

Рассказывай всем, что граф забирает Алис за долги, которые он сам и

выдумал. Кричи об этом на каждом углу.

— Меня убьют! — ахнул мельник. — Или посадят в яму!

— Не убьют. Пока контракт не исполнен, ты им нужен живым как сторона сделки.

Тебе нужно создать шум. «Гласность», Томас. Это наше единственное оружие.

Если хотя бы десять человек увидят, как меня забирают, и услышат твой

протест, контракт перейдет в стадию «Спорного владения».

Я почувствовала, как клеймо на запястье внезапно потеплело. Не обожгло, а именно

согрело, сменив цвет с багрового на тусклое, благородное золото. Закон этого

мира признал мой ход. Система приняла мой аргумент.

— Мы не будем бежать, — сказала я, глядя отцу прямо в глаза. — Беглецов вешают.

Мы будем сражаться на их поле. С их правилами.

В этот момент снаружи раздался тихий звук. Это не был топот сапог стражников или

шум воды. Это был шорох осторожных шагов прямо под маленьким зарешеченным окном

подвала.

Я замерла, прижав палец к губам.

Кто-то стоял там, в темноте, буквально в нескольких дюймах от нас. Сквозь узкую

щель в решетке я увидела мужской силуэт. Высокий, стройный, совсем не похожий

на массивных охранников Олдена. Человек прижался к стене, и я услышала его

прерывистое, тяжелое дыхание.

Он подслушивал. С самого начала.

Моя рука инстинктивно сжалась в кулак. Кто это? Каспиан, пришедший спасти свою

возлюбленную? Или кто-то более опасный?

Силуэт за окном шевельнулся, и в слабом луче луны, пробившемся сквозь тучи,

блеснуло что-то металлическое на его плече. Не герб волка. Что-то другое.

— Алис... — послышался едва различимый шепот.

Я не ответила. Мой мозг уже выстраивал линии защиты на случай, если этот

свидетель решит нас выдать.

За дверью подвала послышался хохот стражников у костра. Ночь только начиналась,

и она обещала быть долгой. Я сидела в сыром подвале, прижимая к груди кафельный

договор, и впервые за долгое время чувствовала себя на своем месте.

— Заседание продолжается, господа, — прошептала я, глядя в темноту окна.

Клеймо на руке пульсировало золотым светом, словно соглашаясь со мной. Теперь я

знала правила. Теперь у меня была зацепка. И теперь у меня был свидетель,

которого я еще не решила, как использовать.

Но я обязательно решу. Ведь хороший адвокат никогда не оставляет свидетелей без внимания.

Глава 3

Желудок скрутило спазмом. В теле восемнадцатилетней Алис голод ощущался не как досадная помеха рабочему процессу, а как полноценная катастрофа. В моей прошлой жизни я могла продержаться на двух чашках эспresso и порции адреналина до самого вечера, но этот молодой организм требовал топлива здесь и сейчас.

Приказчик сдержал слово: меня не кормили. Томас, уходя под конвоем наверх, успел лишь сунуть мне в руку край черствой горбушки, пахнувшей пылью и надеждой. Я жевала этот кусок, сидя на стопке пустых мешков, и слушала, как за дверью подвала стражники режутся в кости. Судя по их соленому хохоту и звону посуды, у них ужин был куда содержательнее.

— Пятерка! С тебя медяк, Ганс! — донеслось из-за двери.

Я прикрыла глаза, заставляя мозг работать. Гласность. Мне нужно было не просто закричать, а заставить систему поперхнуться собственными правилами. Найти того самого «Справедливого», о котором говорилось в контракте. Если в этом мире еще остались независимые судьи или хотя бы имперские инспекторы, мой единственный шанс — достучаться до них до того, как Олден наденет мне на палец кольцо. Брак в этом мире, судя по Кровному Уговору, был окончательной точкой в праве владения. Посмертной.

Внезапно шорох у окна, который я слышала раньше, повторился. На этот раз

отчетливее. Кто-то осторожно царапал когтями — или ножом — по деревянной

раме единственного узкого окошка.

Я замерла, перестав жевать. Окно находилось почти под самым потолком, на уровне

земли снаружи. Решетка там была старой, но крепкой.

— Алис... — шепот был едва слышным, вибрирующим от волнения. — Алис, это я!

Я поднялась, стараясь не шуметь цепью — слава богу, меня не приковали, а просто

заперли, — и подошла к стене. В проеме окна, на фоне звездного неба,

обрисовался силуэт. Светлые волосы, правильный профиль. В моей голове

услужливо всплыло имя, окрашенное розовым цветом девичьей влюбленности. Каспиан. Сын кузнеца из соседней деревни. Тайные свидания у омута, обещания

вечной любви и венки из васильков. Вся та чепуха, на которую у Алис уходило

драгоценное время, вместо того чтобы учить юридическую грамоту.

— Каспиан? — я постаралась придать голосу нужную долю нежности, хотя внутри всё

сжалось от предчувствия бесполезной драмы.

— Хвала святым, ты жива! — парень приник лицом к решетке. — Я всё знаю, Алис.

Отец рассказал в деревне. Олден — чудовище, он погубил свою первую жену, и

тебя погубит! Я не отдам тебя ему.

— И каков твой план? — спросила я, скрестив руки на груди.

Каспиан замялся. Я видела, как он оглядывается, словно проверяя, не следит ли

кто.

— Я принес напильник. И нож. Я подпилю решетку, ты вылезешь, и мы убежим. В

Черный лес. Там есть старые хижины охотников, нас никто не найдет. Мы будем

жить охотой и собирательством... я защищу тебя, Алис!

Я слушала его и чувствовала, как внутри закипает холодное раздражение. Охота и

сбирательство. В лесу. С сыном кузнеца, который, судя по дрожащему голосу,

сам до смерти боится собственной тени.

— Давай проанализируем твоё предложение, Каспиан, — сказала я, переходя на тон,

которым обычно разбивала доводы стажеров. — Факт первый: Черный лес — это

территория графа Олдена. Факт второй: сейчас осень, через месяц начнутся

заморозки, а у нас из активов — один нож и твои светлые кудри. Факт третий...

— я подняла правую руку и продемонстрировала ему запястье, на котором в

темноте едва заметно мерцало клеймо. — Видишь это? Это магический трекер.

Кровный Уговор. Как только я пересеку границу земель мельницы без разрешения

владельца, эта штука начнет «сигнализировать». Нас найдут через два часа. И тогда

тебя повесят за кражу имущества, а меня... меня вернут графу в кандалах.

Каспиан отпрянул от решетки, вытаращив глаза.

— Что это? Это... метка? Но я думал... я думал, любовь сильнее магии!

— Любовь — это дофаминовая реакция организма, Каспиан, а магия Кровного Уговора

— это гражданско-правовое обременение, подкрепленное силой этого мира, — я

вздыхнула, понимая, что говорю на китайском. — Проще говоря: бегство — это

юридическое самоубийство. У нас нет денег, нет политического убежища и нет

способа снять печать.

— Алис, ты странно говоришь, — он прищурился, пытаясь рассмотреть мое лицо в

темноте подвала. — Какие-то «факты», «активы»... Ты словно не рада мне. Я же

рискую жизнью! Если стража увидит меня здесь...

— Именно. Если стража тебя увидит, ты станешь бесполезным трупом. А мне нужен

свидетель. Живой и вменяемый.

Я подошла вплотную к стене, так что наши лица разделяли только ржавые прутья

решетки. Каспиан был красив — той самой слащавой красотой, которая так

нравится юным девушкам: ясные глаза, волевой подбородок, который, впрочем,

сейчас заметно подрагивал. Но в его взгляде я не видела главного — решимости

идти до конца. Только желание совершить «красивый жест».

— Послушай меня, — я чеканила каждое слово. — Если ты действительно хочешь мне

помочь, забудь про лес и напильник. Мне нужно, чтобы ты завтра был на площади,

когда меня повезут в замок. Собери людей. Своих друзей, кузнецов, кого угодно.

Мне нужно, чтобы вы не молчали.

— Но что мы можем сделать против солдат графа? — он попятился. — У них сталь, у

них закон!

— Закон — это то, что написано на бумаге. А право — это то, что мы можем

отвоевать. Мне нужно, чтобы мой отец, Томас, заявил о «Гласности». А вы

должны его поддержать. Если будет толпа, если будет шум — они не смогут просто

закинуть меня в повозку и увезти. Они будут вынуждены соблюдать формальности.

Понимаешь? Фор-маль-нос-ти.

Каспиан смотрел на меня так, словно я заговорила на языке демонов.

— Ты изменилась, Алис. Ты стала холодной. Где та девушка, которая плакала у меня

на плече и обещала, что мы всегда будем вместе?

«Она утонула в омуте, Каспиан», — подумала я, но вслух сказала другое:
— Она повзрослела за одну ночь. Жизнь в подвале под угрозой брака с дедом —

отличный стимул для самообразования. Уходи. Слышишь? Стража идет проверять
засовы.

Действительно, в коридоре послышался звон ключей.

— Я... я попробую, — пробормотал Каспиан. Его голос не внушал мне ни капли

доверия. — Но Алис, если ты передумаешь... я буду ждать у опушки.

— Не передумаю. Уходи!

Его силуэт исчез из окна так же стремительно, как и появился. Я вернулась на

свои мешки и закрыла лицо руками.

«Ненадежный свидетель», — констатировала я. — «Эмоционально нестабилен, склонен

к импульсивным действиям, не обладает ресурсами. В суде такой — подарок для

обвинения».

Каспиан был классическим тропом из любовных романов — прекрасный юноша, готовый

на безрассудство. Но в реальности, где закон подкреплён магическим клеймом,

безрассудство равно смерти. Он хотел «красиво страдать», а я хотела

«эффективно выиграть». Наши векторы не совпадали.

Хуже всего было то, что он мог всё испортить. Если он завтра попытается напасть

на конвой со своим ножиком, это даст Олдену легальное право применить силу и

подавить любой протест. Каспиан становился опасной переменной в моем

уравнении.

Засов двери грохнул, и в подвал вошел один из стражников — тот самый Ганс,

который проиграл в кости. Он держал в руке факел, и свет пламени плясал на

его небритом лице.

— Всё сидишь, красавица? — он окинул меня масляным взглядом. — Ишь, спину как

держит. Небось думаешь, граф тебя в шелка нарядит и на перины уложит?

Я не удостоила его ответом, продолжая смотреть в стену.

— Молчишь... Ну молчи. Завтра в замке тебе быстро язык развяжут. Олден — он

старый, да затейник. Любит, когда девки голосят.

— Ганс, — я медленно повернула к нему голову. — Вы осознаете, что ваши слова в

данный момент могут быть квалифицированы как «угроза чести и достоинству

невесты титулованного лица»? Как вы думаете, понравится ли графу, что его

личная гвардия обсуждает его интимные предпочтения с его будущей женой?

Стражник поперхнулся воздухом. Его челюсть медленно поползла вниз.

— Ты... ты чего несешь?

— Я несу ответственность за свои слова. А несете ли её вы? Если я завтра упомяну

графу о нашем ночном разговоре, как быстро вы окажетесь на конюшне под розгами?

Или, может, сразу на виселице за неуважение к господину?

Ганс попятился к двери, выставив вперед факел, словно защищался от привидения.

— Сумасшедшая... Точно батюшка говорил, мельничиха в омуте разум оставила.

Бесноватая!

Он выскочил из подвала и с такой силой захлопнул дверь, что с потолка посыпалась

пыль. Засов лязгнул с удвоенной яростью.

Я удовлетворенно кивнула сама себе. Страх перед начальством и неопределенностью

— лучший инструмент адвоката. Теперь Ганс до утра ко мне не сунется, и, скорее

всего, запретит это делать остальным. Им проще считать меня ведьмой или

безумной, чем пытаться понять.

Однако сон не шел. Я чувствовала, как клеймо на руке пульсирует — не больно, но

ощутимо. Оно словно отсчитывало время до рассвета.

Каспиан... Он был моей единственной связью с деревней, и эта связь была гнилой

ниткой. Если он не соберет толпу, если Томас не найдет в себе смелости

заговорить — я окажусь один на один с Олденом в его замке. А там

юрисдикция заканчивается и начинается территория «права сильного».

«Мне нужен другой союзник», — думала я, глядя на мерцающие звезды в решетке

окна. — «Кто-то, кто стоит выше графа. Кто-то, для кого закон — это не

просто звук, а инструмент власти».

Я вспомнила о подслушанном разговоре приказчика. Королевская инспекция. Налоги.

Джулиан Вейн... Если этот человек действительно существует и он в округе, мне

нужно подать ему сигнал. Но как это сделать из подвала?

Я потеряла клеймо. Если это магия, значит, у неё есть частота. Если это контракт,

значит, у него есть публичный реестр.

В ту ночь я так и не уснула. Я сидела в темноте, перебирая в памяти статьи

кодексов своего мира и пытаюсь адаптировать их к этой безумной реальности.

Я была Еленой Викторовной, лучшим адвокатом по уголовным делам, и я не

собиралась позволить какому-то провинциальному графу закрыть мое дело

до вынесения вердикта.

Рассвет забрезжил в окне серым, неприветливым светом. Колесо мельницы продолжало

свой бесконечный бег: тук-тук, тук-тук.

— Время пошло, — прошептала я, поднимаясь на ноги. — Заседание объявляется

открытым.

За дверью послышались бодрые команды приказчика. Мой первый выход «в свет» в

качестве залогового имущества был неизбежен. И я собиралась сделать его

незабываемым.

Каспиан ушел, и в его глазах я увидела не только обиду, но и

опасное, ущемленное самолюбие. Такой свидетель — хуже врага. Он не поможет

мне завтра, он будет пытаться «спасти» меня своим способом, и это может

разрушить весь мой план. Теперь мне нужно играть не только против

графа, но и против собственного «спасителя».

Глава 4

Глава 4. Глас вопиющего в пустыне

Свет октябрьского утра был тусклым и холодным, словно разбавленное молоко. Туман

наползал с реки, окутывая мельницу серой ватой, и в этом маре очертания

привычного мира казались зыбкими.

Меня вывели из подвала на рассвете. Ганс, вчерашний смельчак, теперь старался не

смотреть мне в глаза и держался на расстоянии вытянутой руки, словно я могла

укусить его или проклясть одним взглядом. Его суеверный страх был моим

первым маленьким гонораром в этом мире.

— Поторапливайся, — буркнул приказчик, оправляя тяжелый плащ. — Едем через

деревню. Нужно забрать дорожную пошлину у старосты, и — в замок.

Я молча кивнула. Томас стоял у входа, его лицо в утренних сумерках казалось

восковой маской. Я поравнялась с ним и, прежде чем стража успела

среагировать, твердо положила руку ему на плечо.

— Помни, о чем мы говорили, — негромко, но веско произнесла я. — Не прячь глаза.

Ты — свободный мельник, а не раб. Иди в общину. Гласность, Томас. Это твоя

единственная страховка.

Отец вздрогнул, в его глазах на мгновение вспыхнула искра понимания, смешанная с

ужасом, но он кивнул. Его губы беззвучно прошептали: «Да, Алис».

Меня усадили в ту же повозку. На этот раз приказчик распорядился бросить мне

старое одеяло — видимо, мой вчерашний пассаж про «порчу имущества» всё-таки

дошел до его сознания. Мы тронулись. Колеса вязли в глубокой колее, повозку

нешадно трясло, и я рассматривала окрестности с профессиональным интересом

инспектора.

Деревня, которую звали серым именем «Каменные Броды», выглядела удручающе.

Низкие избы с покосившимися крышами, обнесенные плетнями, за которыми

копошилась тощая скотина. Грязь на единственной улице была такой густой,

что казалась живым существом, пытающимся заглотить копыта лошадей. Запахи

гари, навоза и гнилой капусты сплетались в удушливый коктейль.
«Средневековье без фильтров», — констатировала я. — «Никакой романтики, только антисанитария и тотальный дефицит прав человека».

Появление повозки графа вызвало в деревне эффект разорвавшейся бомбы. Люди замирали, бросая работу. Женщины прижимали к себе детей, мужчины хмуро опирались на вилы. По толпе пронесся шепоток, быстрый и липкий, как паутина: — Мельничиху везут... — Та самая, что в омуте топилась? — Говорят, бесноватая стала. Гляньте, как смотрит...

Я действительно смотрела. Прямо, не мигая, фиксируя лица потенциальных свидетелей. Когда повозка остановилась на площади перед домом старосты — единственным зданием, крытым добротной черепицей, — я не стала ждать, пока меня выгрузят. Я спрыгнула в грязь сама, едва не подвернув ногу, и расправила плечи.

Староста, тучный мужчина по имени Силас с лицом цвета переспелой свеклы и водянистыми глазками, уже суеился на крыльце. Он подобострастно кланялся приказчику, протягивая тяжелый кожаный мешочек.

— Всё собрали, господин Брамс, всё до последнего медяка! — запричитал он. — И налог на выпас, и дорожный сбор...

— И налог на воздух? — громко спросила я, делая шаг вперед.

На площади воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в соседнем хлеву чешется свинья. Приказчик Брамс медленно повернул ко мне голову, его лицо налилось дурной кровью.

— Замолчи, девка. Тебе слова не давали.

— В соответствии с общим правом, право голоса дано каждому, у кого есть язык, — я проигнорировала его выпад и обратилась к старосте, который замер с открытым ртом. — Господин староста, я — Алис, дочь мельника Томаса. Перед тем как я покину эту общину, я требую реализации своего права на ознакомление с Уставом Каменных Бродов.

Силас поперхнулся воздухом и несколько раз моргнул.

— Каким... уставом? Чего ты несешь, дочка? Какой еще устав? У нас один закон — воля графа.

— Ложь, — я чеканила каждое слово, чувствуя, как внутри разгорается привычный азарт. — Любое поселение, имеющее право на помол зерна и рыночный день, обязано иметь Устав общины, скрепленный королевской печатью еще при основании. В нем прописаны границы налоговых притязаний лорда. Вы собираете с людей деньги, господин Силас. На каком основании в список податей включен «налог на воздух из-под крыльев мельницы»?

Толпа на площади качнулась вперед. Я видела, как мужики переглядываются. Это был больной вопрос. Деньги — лучший триггер для пробуждения гражданского сознания даже в самой темной глуши.

— Она точно бесноватая! — Силас попытался спрятаться за спину приказчика. —

Брамс, сделайте что-нибудь! Она смуту сеет!

— Я не сею смуту, я требую аудита, — я сложила руки на груди, чувствуя, как магическое клеймо на запястье начинает пульсировать, но на этот раз — одобрительно. — Если устав подтверждает право графа облагать налогом движение воздушных масс, я замолчу. Если нет — вы занимаетесь грабежом в особо крупных размерах, прикрываясь именем господина.

Брамс выхватил хлыст, но я даже не вздрогнула.

— Ударьте меня, — спокойно предложила я. — Ударьте невесту графа на глазах у всей общины. Это станет отличным дополнением к моему иску о признании Кровного Уговора недействительным ввиду физического насилия со стороны представителей кредитора. Как вы думаете, понравится ли Олдену, если из-за вашей несдержанности его долгожданная сделка сорвется?

Брамс заскрипел зубами так громко, что этот звук был слышен в последних рядах толпы. Его рука с хлыстом задрожала, но он не ударил. Он был профессиональным исполнителем, а такие люди больше всего боятся ответственности за «порчу ценного актива».

— Силас, — прорычал он. — Вынеси ей эту бумагу. Пусть подавится. Староста, трясаясь от страха и бормоча ругательства, исчез в доме. Через минуту он вернулся, неся в руках почерневший от времени свиток с тяжелой свинцовой

печатью.

— Вот! Гляди! Только руками не трогай, не оскверняй!

Он развернул свиток. Бумага была старой, края осыпались, но текст, написанный

каллиграфическим почерком древнего писца, сохранился на удивление хорошо.

Я подошла ближе. Мой мозг мгновенно перешел в режим сканирования. Я игнорировала

витиеватые славословия королям и богам, выискивая суть. Глаза скользили по

строчкам: «права на выпас», «право на сбор валежника», «десятина с

улова»... И вот оно.

— Раздел четвертый, параграф два, — громко прочитала я, обращаясь к толпе. —

«Мельница на реке Бродах признается вольным владением, и никакой сбор, кроме

земельного, не может быть наложен на дело мельника, ибо ветер и вода принадлежат

Всевышнему, а не смертному лорду».

Люди на площади зашумели. Сначала тихо, как сухая листва на ветру, а потом

громче.

— Слыхали? — Ветер — Божий! — А Силас-то, ирод, три года с нас за «мельничный

воздух» по два медяка в месяц брал!

— Тихо! — взревел приказчик, но его голос уже не имел прежней силы.

Информационная бомба была сброшена, и её осколки уже застряли в

умах крестьян.

Я повернулась к старосте. Тот побледнел, его свекольные щеки превратились в

серые пятна.

— Где эти записи, господин Силас? — я протянула руку. — Книги сбора податей за

последние три года. Я хочу видеть, куда ушли деньги общины.

— Да как ты... да кто ты такая... — залепетал он.

— Я — ваш кошмар, — мило улыбнулась я. — Я — голос закона, о котором вы

предпочли забыть. Книги. Сейчас же. Или я потребую у лорда-инспектора,

который, по слухам, скоро будет в этих краях, провести полную проверку вашей

отчетности.

Упоминание «лорда-инспектора» было чистым блефом, основанным на подслушанных

разговорах Ганса в подвале, но оно сработало идеально. Силас, осознав, что

его уютный мирок коррупции рушится, вынес тяжелую книгу в кожаном переплете. Я начала листать страницы. Мои пальцы двигались быстро, мозг суммировал цифры.

Картина была ясной: системные приписки, фиктивные долги и грабительские

проценты. Мельницу банкротили методично и профессионально.

— Достаточно, — Брамс вырвал книгу из моих рук. — Поиграли в суд, и хватит. В

повозку! Живо!

Он схватил меня за локоть и потащил к лошадям. Но я уже получила то, что хотела.

Я увидела страх в глазах старосты и искру надежды в глазах крестьян.

Когда меня заталкивали обратно в солому, я обернулась к толпе.

— Помните! — крикнула я, перекрывая шум голосов. — Закон не спит, он просто

ждет, когда вы его прочтете! Никто не имеет права брать больше, чем положено

по Уставу!

Повозка дернулась и покатила прочь из деревни. Я сидела, тяжело дыша,

чувствуя, как дрожат руки — не от страха, а от колоссального нервного

напряжения. В этом теле адреналин ощущался как чистый огонь.

— Ты за это заплатишь, девка, — прошипел Брамс, поравнявшись с повозкой. — В

замке Олдена нет Уставов. Там есть только воля господина и плети палача.

— В замке Олдена есть то же самое, что и везде, — я вытерла испачканную в грязи

ладонь об одеяло. — Правила игры. Просто я теперь знаю ваши, а вы моих — нет.

Я откинулась на спину, глядя на проплывающие мимо кроны деревьев. Мой первый

выход в свет прошел успешно. Я создала прецедент. Теперь в деревне будут

говорить не о «безумной Алис», а о налоге на воздух. И это был первый шаг к

созданию той самой Гласности, которая была мне необходима.

Но самым важным было другое. В какой-то момент, когда я читала Устав, я

почувствовала на себе чей-то взгляд. Не испуганный взгляд крестьянина

или злобный — приказчика. Это был взгляд хищника, оценивающего добычу. Кто-то

наблюдал за мной из окна таверны, скрытый густыми тенями. Кто-то, кто не

принадлежал к этому захолустью.

Я закрыла глаза, пытаясь унять сердцебиение. Клеймо на запястье пульсировало

ровным золотым светом.

«Заседание продолжается», — прошептала я сама себе. — «И, кажется, у нас в зале

появился очень серьезный наблюдатель».

Староста Силас, дрожащими руками прижимая к груди Устав, осенил

себя знаком защиты и мелко закрестился, глядя вслед повозке. Он только что

услышал слова из закона, который считался надежно похороненным сто лет назад.

Для него я была не человеком, а ожившим призраком старого порядка, который

пришел за его душой. И этот страх был куда сильнее страха перед графом.

Колесо правосудия начало вращаться, и теперь его было не остановить.

Глава 5(Джулиан Вейн)

Вино в таверне «Слепой ворон» было на вкус как перебродивший уксус, пополам разбавленный речной водой. Я поморщился, отодвигая надтреснутую кружку, и перевел взгляд на окно, мутное от скопившейся пыли и кухонного чада. Глухомань. Абсолютная, беспросветная дыра, где время, кажется, застревало в грязи вместе с колесами телег. Мой помощник, молодой и чересчур старательный Маркус, сидел напротив, сосредоточенно ковыряя вилкой кусок серого мяса. Его энтузиазм не угас даже после трех дней пути по разбитым дорогам провинции Броды. Завидное качество для столичного чиновника, но меня оно лишь раздражало. — Милорд, — вполголоса произнес Маркус, не поднимая глаз. — Мы проверили записи в двух соседних деревнях. Цифры не сходятся. Граф Олден показывает в отчетах недоимки из-за неурожая, но амбары местных общин забиты под завязку. Здесь воруют так нагло, словно Короны вовсе не существует. — Корона далеко, Маркус, — ответил я, потирая ноющую переносицу. — А граф — вот он, в своем замке. Местные боятся его больше, чем гнева небесного. Чтобы вскрыть этот нарыв, мне нужны не расхождения в цифрах, а прямой повод для инспекции. Законный, неоспоримый прецедент. Я приехал сюда под именем Джулиана Вейна, скромного торгового представителя гильдии виноделов. Мой настоящий титул — Верховный Судья Королевской Инспекции — грел мне грудь тяжестью золотой цепи под дорожным плащом, но доставать его раньше времени было нельзя. Олден — старый лис. Стоит ему почуять ищейку из столицы, как все концы уйдут в воду, а свидетели внезапно обретут вечное безмолвие на дне реки. Снаружи послышался шум. Скрежет колес, крики возниц и тяжелый топот подкованных коней. Я лениво взглянул в окно. По площади перед домом старосты катилась повозка,

окруженная всадниками в кожаных доспехах графа. Герб — голова волка.

Гвардия Олдена.

— Посмотрите, милорд, — Маркус кивнул на окно. — Приказчик Брамс. Я видел его в

списках. Редкая сволочь, судя по отзывам крестьян. Опять кого-то трясут.

Я не ответил. Моё внимание привлекла фигурка, сидевшая в соломе повозки.

Девушка. Тонкая, с растрепанными волосами, в мокрой, грязной рубаше. Она

выглядела как обычная крестьянка, попавшая в переплет, если бы не одно «но».

Она сидела слишком прямо.

Крестьянки в таких ситуациях либо сжимаются в комок, либо бьются в истерику. Эта

же девчонка смотрела на мир вокруг с таким ледяным спокойствием, словно это не

её везли в замок как залоговое имущество, а она сама инспектировала эти

владения.

Когда повозка остановилась, и девчонка спрыгнула в грязь, я невольно подался

вперед.

— Интересно, — пробормотал я.

То, что произошло дальше, заставило меня забыть и о дурном вине, и о ноющих

плечах.

Девчонка не просто заговорила. Она атаковала. С того самого момента, как она

открыла рот, я перестал видеть в ней замарашку-мельничиху. Из окна таверны

мне было прекрасно слышно каждое её слово — в Каменных Бродах тишина умела

разносить звуки на сотни ярдов.

— Налог на воздух? — донесся её голос, и я едва не поперхнулся.

Я видел сотни адвокатов в Высоком Суде столицы. Я видел маститых законников,

которые строили свои обвинения на тончайших нюансах прецедентного права. Но

я никогда не видел, чтобы босая девчонка в глухой провинции оперировала

терминами «административного произвола» и «аудита отчетности» с такой

филигранной точностью.

— Маркус, ты слышишь это? — тихо спросил я.

Помощник замер с открытым ртом.

— Она... она цитирует Устав общины? Откуда крестьянке знать про параграфы и

четвертые разделы? Это же латынь права, милорд!

— Это не просто латынь, — я прищурился, наблюдая, как девчонка методично

втаптывает в грязь авторитет старосты и приказчика. — Она ведет перекрестный допрос. Посмотри на её жесты. Посмотри, как она держит паузу. Она не просто знает слова, Маркус. Она знает инструмент. Она понимает, как работает механизм власти. Брамс, этот цепной пес Олдена, выглядел как побитый щенок. Он замахивался хлыстом, он рычал, но он не смел ударить. Девчонка выстроила вокруг себя невидимую стену из правовых формулировок, и эта стена оказалась прочнее каменной кладки замка. — «Закон не спит, он просто ждет, когда вы его прочтете», — повторил я её фразу, пробуя её на вкус. — Великолепно. Почти поэтично. И абсолютно смертельно для таких, как Силас. Когда она потребовала книги отчетности, я понял — это мой шанс. Если она вскроет махинации старосты прилюдно, у меня будет легальный повод вмешаться как у представителя гильдии, чьи интересы якобы затронуты. Но было что-то еще. Что-то, что не давало мне покоя. Я внимательно следил за её движениями. Она перелистывала страницы старой книги так уверенно, словно занималась этим всю жизнь. Но в какой-то момент, когда солнце на мгновение пробилось сквозь тучи и осветило её фигуру у крыльца, я увидел это. Блик. Странное, тонкое сияние промелькнуло на её шее, чуть ниже ключицы. Это не было украшением. Это был след... старой магии. Резонанс, который почувствовала моя собственная кровь. В столице говорили, что род Хранителей прервался. Что древние печати, удерживающие баланс в королевстве, давно превратились в пыль. Но этот блик... он был живым. Он пульсировал в такт её словам, словно сама земля под её ногами подтверждала её право говорить от имени закона. — Милорд? — Маркус коснулся моего плеча. — Повозка уезжает. Нам... нам нужно следовать за ними?

Я смотрел, как девчонку заталкивают обратно в солому. Даже сейчас, в унижительном положении пленницы, она ухитрилась бросить в толпу фразу, которая станет костью в горле у графа на долгие недели.

— Она — не та, кем кажется, — сказал я, вставая и набрасывая плащ. — Дочь мельника не может знать про «физическое насилие как фактор ничтожности сделки». Это знания уровня королевского архива.

— Вы думаете, она шпионка? — Маркус подобрался. — Чья-то подосланная ищейка?

— Если бы она была шпионкой, она бы не привлекала к себе столько внимания, — я покачал головой. — Шпионы действуют в тени. Она же вышла на свет и ударила в колокол.

Я вспомнил тот блик магии на её шее. Старая кровь. Кровь тех, кто когда-то диктовал законы самим королям. Если в этой девчонке действительно проснулось наследие Хранителей, то граф Олден даже не представляет, какую змею он пытается пригреть в своей постели. Или какую богиню правосудия он вызвал из небытия своей жадностью.

— Мы едем в Каменные Броды официально, — скомандовал я. — Но не в замок. Сначала на мельницу. Мне нужно поговорить с её отцом. Если девчонка — ключ, то мельник — это замочная скважина.

— А как же граф?

— Граф подождет, — я бросил на стол серебряную монету за так и не выпитое вино.

— У него намечается свадьба. А я очень люблю свадебные церемонии. Особенно те, которые заканчиваются судебным процессом.

Мы вышли из таверны. Воздух был сырым и холодным, но я больше не чувствовал усталости. В этой дыре наконец-то стало интересно.

Девчонка в повозке... Алис, кажется? У неё были глаза человека, который видел смерть и не испугался. И в этих глазах я прочел вызов, брошенный не только графу, но и всему этому прогнившему порядку.

«Закон не спит, говоришь?» — подумал я, садясь в седло и глядя вслед осевшему туману, в котором скрылась повозка. — «Что ж, маленькая мельничиха. Давай посмотрим, как ты запоешь, когда закон откроет глаза и увидит тебя».

Когда мы проезжали мимо дома старосты, я заметил на земле оброненный лоскут её мокрой рубахи. Я поднял его. Ткань была грубой, дешевой, но она всё ещё хранила странный, едва уловимый аромат. Не муки и не речного ила. Это был запах старой бумаги и сургуча — запах власти, который ни с чем не спутаешь. И в этот момент я окончательно понял: в Бродах началась игра, в которой я не просто зритель. И эта игра может стоить мне либо головы, либо сердца.

Я пришпорил коня. Интуиция — единственный закон, который никогда меня не подводил — кричала, что эта девчонка станет либо моим величайшим триумфом, либо моим концом.

Глава 6

После утреннего «выступления» в деревне меня вернули на мельницу. Приказчик Брамс был в бешенстве: его затылок побагровел, а рука то и дело дергалась к хлысту. Но он не рискнул запереть меня снова в подвале. Вместо этого меня швырнули в горницу — чистую, пахнущую сушеными травами и старой древесиной комнату, где когда-то жила Алис.

— Сиди здесь, адвокатша, — прошипел он, запирая дверь на засов снаружи. — Скоро за тобой приедут те, с кем твои фокусы не пройдут. Я не ответила. Мне нужно было время.

Организм Алис был на грани истощения. Дрожь в пальцах, предательская слабость в коленях — последствия вчерашнего омута и сегодняшнего стресса давали о себе знать. Я заставила себя подойти к умывальнику. Вода была ледяной, она обжигала кожу, но помогала согнать липкий туман из мыслей.

«Так, Елена, соберись», — приказала я своему отражению в тусклом медном зеркале.

— «Ты вскрыла нарыв в деревне. Это дало нам время, но и повысило ставки. Олден пришлет тяжелую артиллерию».

Я начала методично осматривать комнату. Алис жила скромно: узкая кровать, тяжелый сундук, стопка холщовых рубаш. Но моё внимание привлекли бумаги на столе Томаса в соседней комнате — дверь была заперта, но перегородка здесь была тонкой, из плохо подогнанных досок.

Я просунула руку в щель и вытянула верхний лист из стопки, которую Томас приготовил «на выброс». Это были старые счета. Большинство из них — скучные ведомости о помоле ржи. Но один пергамент, пожелтевший и надорванный, заставил мое сердце забиться чаще.

Это была квитанция. Скрепленная не восковой печатью графа, а строгим оттиском с изображением скрещенных мечей.

«Поставлено для нужд Третьего Пограничного Полка... Принято интендантом...

Мельница в Каменных Бродах признается стратегическим объектом снабжения

Короны».

В голове мгновенно выстроилась юридическая схема. Если мельница снабжает армию, она подпадает под действие «Lex Militaris» — военного права. А по законам этого королевства (которые я интуитивно нащупывала через магическое клеймо), любое имущество, работающее на армию, обладает статусом временного судебного иммунитета. Лорд не может забрать объект, если это нарушит логистику снабжения полка.

— Бинго, — прошептала я, прижимая пергамент к груди. — У нас есть ордер на неприкосновенность.

Внезапно тишину мельницы разорвал звук горна. Резкий, властный, он заставил птиц сорваться с крыши. Сквозь щели в ставнях я увидела, как во двор влетает отряд всадников. Это были не обычные приказчики. Черные вороненые кирасы, тяжелые плащи, на груди — серебряный оскал волка.

Личная гвардия графа. «Волки Олдена».

Во главе отряда ехал мужчина лет сорока с лицом, словно высеченным из гранита.

Капитан. Он не спешил, а обвел двор холодным, оценивающим взглядом.

— Выводите девку! — рявкнул он. — Граф приказал доставить её в замок немедленно.

К вечеру она должна быть облечена в шелка и готова к примерке венца.

Брамс выскочил на крыльцо, подпрыгивая от усердия.

— Сейчас, капитан Гаррик! Сейчас! Она заперта, никуда не денется. Бесноватая

она, правда...

Я услышала, как засов моей двери отодвигается. В комнату ворвался Брамс, за ним

двое дюжих стражников.

— Вставай, Алис! Поедешь с почетом, если не будешь брыкаться. Капитан ждать не любит.

Я медленно поднялась. В руке я сжимала пожелтевший пергамент.

— Я никуда не поеду, — спокойно сказала я.

Брамс расхохотался, хватая меня за плечо.

— Это мы еще посмотрим!

— Предупреждаю, — я вырвала руку, и в этот момент клеймо на моем запястье

вспыхнуло не серым, а ослепительно-белым светом. — Любое посягательство

на свободу персонала данного объекта будет расценено как подрыв

обороноспособности королевства. Эта мельница находится под

защитой Интендантского приказа.

Я вышла на крыльцо раньше, чем Брамс успел меня остановить. Капитан Гаррик

прищурился, глядя на меня сверху вниз.

— Что ты несешь, малявка?

— Я говорю о законе, капитан, — я подняла пергамент высоко вверх, чтобы его

видели все. — Перед вами — охранный грамота. Эта мельница поставляет муку

Третьему Пограничному Полку. В соответствии с указом о военном положении,

который никто не отменял, стратегические поставщики обладают статусом

«Terra Immunitas». До тех пор, пока контракт не закрыт или не аннулирован лично

интендантом Короны, ни один лорд не имеет права изымать имущество или людей с

этого объекта.

Наступила тишина. Капитан Гаррик медленно спешился. Его сапоги тяжело ударили о

землю.

— Ты думаешь, бумажка десятилетней давности тебя спасет? Граф Олден — хозяин

этой земли.

— Граф Олден — вассал Короля, — парировала я, чувствуя, как внутри нарастает

странная мощь. Это не была просто логика. Это была магия права, которая

резонировала с моей душой. — А Король — хозяин армии. Если вы заберете

меня, производство муки остановится. Мой отец убит горем, он не сможет

работать. Это — срыв поставок. Это — государственная измена, капитан. Вы

готовы пойти на плаху ради прихоти старого графа?

Я сделала шаг вперед, к самой меже, отделяющей крыльцо от двора. Клеймо на моей

руке теперь горело так ярко, что на него было больно смотреть.

— Я объявляю территорию этой мельницы зоной судебного иммунитета! — выкрикнула

я, вкладывая в слова всю свою волю. — До выяснения обстоятельств по Кровному

Уговору доступ посторонним — закрыт!

И тут произошло невероятное.

Воздух перед крыльцом внезапно сгустился, превращаясь в дрожащее марево. Когда

капитан Гаррик попытался сделать шаг ко мне, невидимая волна ударила его в

грудь. Его, огромного мужчину в стальных доспехах, отбросило назад на несколько ярдов, словно он был тряпичной куклой. Лошади заржали, вставая на дыбы. Гвардейцы в панике начали хвататься за рукояти мечей, но не могли даже приблизиться к невидимой стене.

— Колдовство! — закричал Брамс, прячась за спины солдат. — Она ведьма!

— Это не колдовство, — я стояла на крыльце, чувствуя, как сила буквально переполняет меня. — Это процессуальное принуждение. Закон имеет вес в этом мире, не так ли? И сейчас он говорит — нет.

Я обвела взглядом двор. Ошеломленные гвардейцы, перепуганный Томас, который высунулся из окна... И вдруг мой взгляд зацепился за фигуру в толпе зевак, собравшихся у ворот.

Мужчина. Тот самый «путник» из таверны. Он стоял, прислонившись к старой иве, и, в отличие от остальных, не выглядел ни напуганным, ни удивленным. На его губах играла странная, едва заметная улыбка.

Он смотрел на меня так, словно видел насквозь — не юную девчонку в грязной рубашке, а ту, кем я была на самом деле.

Его глаза... в них не было суеверного ужаса. В них был азарт. Интеллектуальный голод хищника, встретившего достойную добычу.

На мгновение наши взгляды встретились. Воздух между нами словно наэлектризовался. Я почувствовала, как клеймо на руке отозвалось короткой, почти болезненной вспышкой — так реагирует один магический артефакт на близость другого, более мощного.

Он не был крестьянином. И не был гвардейцем Олдена. Он был кем-то, кто понимал правила этой игры гораздо лучше, чем все присутствующие.

— Уходите, капитан, — сказала я, не сводя глаз с незнакомца. — Возвращайтесь к графу и передайте: мельница под иммунитетом. Если он хочет меня видеть — пусть присылает юриста. Или едет сам. Но по закону.

Гаррик поднялся с земли, отряхивая пыль с кирасы. В его глазах теперь горела ненависть, смешанная с опаской.

— Мы вернемся, — процедил он, садясь в седло. — И тогда никакие бумажки тебя не

спасут. Коней! Уходим!

Отряд развернулся и галопом вылетел со двора. Брамс, что-то выкрикивая на ходу,

последовал за ними.

На дворе стало тихо. Только шум воды продолжал свой вечный бег.

Я медленно опустила руку. Сияние клейма погасло, и я почувствовала, как силы

мгновенно покидают меня. Мир качнулся. Если бы не перила крыльца, я бы

рухнула прямо там.

Незнакомец у ворот не шелохнулся. Он продолжал смотреть на меня, и в этом

взгляде было обещание. Обещание того, что моя спокойная жизнь (если её

можно было так назвать) закончилась навсегда.

Он слегка склонил голову — почтительно, но с оттенком иронии — и медленно

растворился в тених деревьев.

— Алис... — Томас выбежал на крыльцо и подхватил меня под руки. — Доченька, что

ты сделала? Откуда... откуда эта сила?

— Это не сила, папа, — прошептала я, закрывая глаза. — Это просто знание правил.

Но боюсь, я только что привлекла внимание самого опасного игрока за этим столом.

Незнакомец исчез, но на месте, где он стоял, на коре старой ивы

остался глубокий след, словно его выжгли раскаленным клеймом. Тонкая линия в

форме королевских весов. Я поняла, что мой «перформанс» не прошел даром. Тот,

кто наблюдал за мной, пришел сюда не случайно. И теперь он знает, что в

Каменных Бродах появилась фигура, способная перевернуть всю доску. Игра

началась по-настоящему.

Глава 7

Гроза собиралась медленно, тяжело, словно нехотя. Воздух сделался густым, как неразмешанный мед, и каждый вдох давался с трудом. Мельница, обычно наполненная бодрым скрипом и шумом воды, теперь казалась притихшим зверем, который затаился перед прыжком.

После того как я выставила гвардейцев Олдена, Томас впал в состояние, близкое к кататонии. Он механически перетаскивал мешки, что-то бормотал под нос и вздрагивал от каждого шороха. Я же чувствовала странное опустошение.

Магический всплеск выпил из меня все силы, оставив лишь холодную, расчетливую ясность ума.

«Иммунитет — это временная мера», — думала я, поднимаясь по крутой лестнице на второй ярус, в жилые комнаты. — «Я купила нам пару дней. Но Олден не дурак. Он проверит мои слова. И если он найдет способ аннулировать старый контракт с армией, мы проиграем».

Мне нужно было больше информации. Настоящей. Той, что не пишут в долговых книгах.

Я вошла в комнату, где когда-то жила мать Алис — Элара. Томас редко заходил сюда, и здесь всё дышало прошлым. Запах сухой лаванды, пыли и старого дерева. Комната была обставлена просто: кровать, накрытая лоскутным одеялом, тяжелый дубовый сундук и небольшой камин, который давно не разжигали.

Я присела на край кровати. Мои руки всё еще подрагивали.

— Элара... — прошептала я, пробуя имя на вкус.

В памяти Алис мать была смутным образом: нежные руки, тихий голос и грустные глаза. Она умерла, когда девочке было десять, унеся с собой все тайны. Но теперь, глядя на эту комнату глазами тридцатипятилетнего адвоката, я видела несоответствия.

Слишком дорогая резьба на спинке кровати для простой крестьянки. Слишком

правильная геометрия комнаты. И сундук...

Я подошла к нему и откинула тяжелую крышку. Внутри лежали стопки пожелтевшего

белья, пара выходных платьев из добротного, но поношенного сукна. Ничего

необычного. Я начала вынимать вещи одну за другой, прощупывая подкладку,

проверяя швы. Пусто.

Затем я опустилась на колени перед камином.

В моем мире преступники часто прятали вещдоки именно там. Люди редко смотрят под

ноги, когда ищут сокровища. Я начала простукивать плиты пола. Глухой звук, еще

один... и вдруг — пустота.

Под каминной полкой, там, где камень соприкасался с деревянным настилом, одна из

досок сидела неплотно. Я поддела её ногтями, ломая их и чертыхаясь про себя,

пока дерево не поддалось.

В небольшом углублении, забитом пылью и паутиной, лежала шкатулка. Небольшая,

обтянутая истертой кожей, с тяжелым бронзовым замочком.

Сердце забило в горле. Я вытащила находку и вернулась к свету, который едва

пробивался сквозь затянутое тучами окно. Замок поддался на удивление легко —

стоило мне нажать на него, как сработал скрытый механизм.

Двойное дно. Старая добрая классика.

В верхнем отделении лежали сушеные цветы и локон светлых волос — вероятно, самой

Алис в детстве. Но когда я нажала на едва заметный выступ внутри, дно шкатулки

приподнялось.

Внутри лежали два предмета.

Первый — сломанная сургучная печать. Она была тяжелой, темно-красного цвета. На

ней отчетливо виднелся герб: гордый грифон, сжимающий в когтях сломанную

стрелу. Под ним — девиз на латыни, который я узнала мгновенно: «Honor Ante

Vitam». Честь дороже жизни.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это был не герб мелкого

дворянчика. Это был знак одного из великих герцогских домов, который,

насколько я помнила из обрывков знаний Алис, был уничтожен или изгнан во время

«Ночи Длинных Теней» десять лет назад.

Второй предмет — письмо. Тонкий, почти прозрачный пергамент, исписанный мелким,

летающим почерком. Текст был на языке, который не был похож на местное наречие.

Он был более певучим, более сложным. Древний язык аристократии, который считался мертвым.

Я не могла прочесть слова, но я понимала суть. Если эта печать и это письмо

найдут у нас — это конец. Это не просто долги мельника. Это государственная

измена. Соккрытие членов опального рода.

«Мама... кто же ты была?» — подумала я, сжимая печать в руке. — «И почему ты

выбрала эту глушь и этого доброго, но простого мельника?»

Ответ был очевиден: здесь её никто не искал. До поры до времени. Олден...

Неужели он знает? Если он ищет не мельницу, а это наследие, то мои

юридические фокусы — это просто детский лепет. Ему нужна кровь. Кровь,

которая течет в жилах этой девчонки.

Внезапно первый удар грома сотряс мельницу. Стекло в окне жалобно звякнуло.

Ливень обрушился на крышу мгновенно, превращая мир за окном в серую ревущую стену.

Я быстро убрала печать и письмо обратно в шкатулку и спрятала её под кровать.

Нужно было спуститься к Томасу.

Внизу, в большой горнице, было темно и неудобно. Томас сидел у стола, уставившись

на единственную свечу. Когда я вошла, он вздрогнул.

— Алис, — его голос дрожал. — Слышишь? Гроза разыгралась... Дурной знак.

— Гроза — это просто дождь, папа, — сказала я, стараясь придать голосу

уверенности. — Поди приляг. Завтра будет тяжелый день.

Я подошла к двери, чтобы проверить засовы, когда сквозь рев ливня и раскаты

грома донесся звук.

Стук. Тяжелый, размеренный. Кто-то бил кулаком в дубовую дверь мельницы.

Томас вскочил, опрокинув стул.

— Гвардейцы? — прошептал он. — Они вернулись?

— Гвардейцы не стучат, — отрезала я, нащупывая у двери тяжелую кочергу. —

Гвардейцы выламывают двери.

Я подошла к двери и приникла к щели. Снаружи, под козырьком крыши, стоял

человек. Он был один. Плащ промок насквозь, капюшон скрывал лицо, но

фигура была мне знакома. Слишком знакома.

— Кто там? — громко спросила я.

— Путник, ищущий убежища от гнева небес, — раздался глубокий, спокойный голос. —

Мир вашему дому, хозяева. Клянусь честью, я не принес зла.

Я замерла. Это был он. Тот мужчина из толпы. Тот, кто оставил след на иве.

— Алис, не открывай! — взмолился Томас. — Ночь, гроза...

Но я уже знала, что открою. Этот человек не пришел грабить. Он пришел за

ответами. И, возможно, он был единственным, кто мог помочь мне понять,

что делать с находкой в шкатулке.

Я отодвинула засов. Дверь распахнулась от порыва ветра, впуская в дом холодные

брызги дождя и запах озона.

Мужчина вошел, снимая капюшон. Вода стекала с его темных волос, ложилась каплями

на высокие скулы. Его глаза, пронзительно-серые, как само небо перед грозой,

сразу нашли меня.

— Благодарю, — он слегка склонил голову. — Меня зовут Джулиан. И, боюсь, наш

сегодняшний разговор на крыльце был прерван слишком грубо.

Я не опустила кочергу, хотя понимала, что против него это оружие бесполезно.

— Вы рискуете, Джулиан, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Приходить сюда в

такую ночь. Граф Олден не любит незваных гостей на своих землях.

Он улыбнулся — той самой ироничной улыбкой, которую я видела днем.

— Граф Олден считает эти земли своими. Но закон, который вы так изящно

цитировали, говорит об обратном, не так ли, Алис?

Он прошел к столу, не дожидаясь приглашения, и сел на стул, который только что

занимал Томас. Мой отец забился в угол, глядя на незнакомца как на ожившее

привидение.

— Кто вы? — спросила я, закрывая дверь на засов. — И чего вы хотите?

Джулиан медленно расстегнул мокрый плащ. Под ним оказалась простая, но добротная

одежда путешественника, а на поясе — короткий меч с рукоятью, лишенной

украшений.

— Я тот, кто умеет слушать, — ответил он, пристально глядя на меня. — И сегодня

в деревне я услышал голос, который не должен был прозвучать. Вы не просто дочь

мельника, Алис. Вы — аномалия. И я здесь, чтобы понять, насколько вы опасны.

Он протянул руку к свече, и я заметила на его пальце перстень.

Простой стальной ободок, но на нем была выгравирована та же печать, что я только что нашла в шкатулке матери. Грифон, сжимающий сломанную стрелу. Мое сердце пропустило удар. Он был из того же рода. Или он был тем, кто их преследовал. Но теперь я знала одно: шкатулка с двойным дном открыла дверь в мир, из которого нет возврата. И этот человек — мой единственный проводник. Или мой палач.

Глава 8

Гроза снаружи бесновалась так, словно пыталась стереть нашу мельницу с лица земли. Потоки воды хлестали в ставни, а раскаты грома заставляли посуду в шкафу мелко подрагивать. Но внутри горницы, в неровном свете единственной свечи и догорающих в камине поленьев, воцарилась тишина еще более пугающая. Джулиан сидел за нашим дубовым столом, небрежно откинувшись на спинку стула. Его мокрый плащ был брошен на скамью, и теперь от него поднимался едва заметный пар.

Он выглядел слишком масштабным, слишком... правильным для этой скромной обстановки.

Я стояла у камина, всё еще сжимая в руке кочергу, хотя это выглядело глупо. Мой взгляд был прикован к его руке. Перстень на пальце — простой стальной ободок с выгравированным грифоном. Такой же, как на печати в шкатулке моей матери.

«Спокойно, Елена», — приказала я себе. — «Презумпция невиновности. Перстень может быть подделкой, трофеем или просто совпадением. Хотя в такие совпадения я не верила даже в своем мире».

— Папа, — я повернулась к Томасу, который застыл у печи с перепуганным лицом. — Наш гость промок и голоден. Принеси яблоки и мед. И, кажется, в погребе оставалось немного сыра.

Томас кивнул, спотыкаясь на ровном месте, и поспешил скрыться в дверях погреба.

Ему явно хотелось оказаться как можно дальше от этого странного человека. Я же медленно подошла к столу и села напротив Джулиана. Положила кочергу на край скамьи. Это был жест доброй воли. Или признание того, что в ближнем бою у меня нет шансов.

— Вы смелая девушка, Алис, — негромко произнес Джулиан. Его голос был глубоким, с едва уловимыми рокоющими нотками. — Не каждая решится пустить в дом незнакомца в такую ночь. Особенно после того, как днем едва не устроила восстание в деревне.

— У нас на мельнице всегда рады путникам, — ответила я, стараясь, чтобы мой

голос звучал ровно. — Таков обычай. К тому же, вы ведь поклялись честью,

что не принесли зла. А я привыкла верить людям на слово... пока они не

докажут обратное.

Джулиан усмехнулся. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки, но взгляд

оставался пронзительным, изучающим.

— Обычай — это хорошо. Но то, что вы делали на площади... это не обычай. Это

система.

Вернулся Томас, неся деревянное блюдо. Несколько крупных, пахнущих осенью яблок,

миска с густым липовым медом и кусок твердого сыра. Он поставил всё это на стол

и, пробормотав что-то про «надо проверить заслонку», снова ретировался.

Джулиан достал из-за пояса небольшой складной нож. Лезвие блеснуло в свете свечи

— идеально наточенная сталь. Он ловко отрезал ломтик яблока, обмакнул его в мед

и отправил в рот. Движения были точными, экономными. Так двигаются люди,

привыкшие к оружию и власти.

— Угощайтесь, — кивнула я, сама не притрагиваясь к еде. Аппетит пропал напрочь.

— Благодарю. Мед у вас отменный, — он прожевал и снова посмотрел на меня. —

Знаете, Алис, я много путешествовал. Видел разные края. Но нигде я не

встречал дочерей мельников, которые разбираются в «процессуальном

принуждении» и «иммунитете территории». Откуда у вас эти слова? Ваш

отец не похож на знатока имперского права.

— К нам часто заезжают люди, — я пожала плечами, разыгрывая роль «начитанной

простушки». — Иногда проезжие купцы оставляют старые книги. Или заезжие

писцы делятся историями за кружкой эля. Мне всегда было интересно, как

устроен мир за пределами нашей реки. Видимо, у меня хорошая память.

— Хорошая память — это дар, — Джулиан отрезал кусок сыра. — Но понимание сути —

это нечто иное. Вы не просто повторяли термины. Вы ими били, как кузнечным

молотом. Причем били в самые уязвимые места. Брамс до сих пор, наверное,

заикается.

Я чуть склонила голову набок, разглядывая его.

— А вы, Джулиан? Вы тоже путешествуете по делам гильдии виноделов?

— Вроде того, — легко согласился он. — Ищу новые рынки, проверяю качество поставок.

— И для этого гильдия виноделов снабжает своих представителей перстнями с гербами опальных герцогских домов? — я нанесла ответный удар, глядя прямо на его кольцо.

Джулиан замер с куском яблока в руке. Воздух в комнате словно похолодел. Гром снаружи ударил с такой силой, что свеча на мгновение погасла, оставив нас в оранжевом полумраке камина.

— Вы наблюдательны, — его голос стал тише и опаснее. — И очень неосторожны. В некоторых местах за такие вопросы можно лишиться не только мельницы, но и головы.

— В некоторых местах — возможно, — парировала я. — Но здесь, на моей территории, под защитой «военного иммунитета», я могу позволить себе немного любопытства. Вы ведь не из гильдии, Джулиан. Виноделы не смотрят так, словно проводят инвентаризацию человеческих душ.

Он медленно отложил нож. Положил руки на стол.

— А как смотрят те, кто проводит инвентаризацию душ?

— Как люди, которые привыкли выносить приговоры, — я не отвела взгляда. — Как судьи. Или инквизиторы. Вы пришли сюда, потому что я нарушила тишину этой провинции. Я стала проблемой в вашем безупречном отчете, не так ли?

Джулиан молчал долго. Слышно было только, как трещит полено в камине.

— Власть — это не только корона и армия, Алис, — заговорил он наконец. — Власть

— это порядок. Когда в глухой деревне девчонка начинает цитировать законы, о которых забыли даже в столице, порядок начинает трещать. А я очень не люблю, когда что-то трещит под моими ногами.

— Значит, вы здесь, чтобы починить порядок? — я горько усмехнулась. — И для этого нужно выдать восемнадцатилетнюю девушку за шестидесятилетнего графа?

Это и есть ваш «порядок»?

— Закон суров, но это закон, — он пожал плечами. — Если ваш отец подписал

Кровный Уговор, он должен быть исполнен. Такова магия этого мира. Без

договоров наступит хаос. Вы ведь это понимаете, адвокат... в юбке.

Он намеренно сделал паузу перед последним словом. Это была провокация. Проверка.

— Я понимаю, что договор, заключенный путем обмана или злоупотребления

безграмотностью стороны, является ничтожным по своей сути, — я забыла

о роли простушки. Внутренняя Елена взяла верх. — Если проценты по долгу были

начислены незаконно, то и залог в виде человеческой свободы не может быть

истребован.

Джулиан подался вперед. Теперь его глаза горели настоящим азартом.

— Блестяще. Но кто это докажет? Местный староста? Или граф Олден, который сам

себе судья на этих землях?

— Справедливый, — коротко ответила я. — В контракте есть лазейка. Право Гласного

разбирательства пред ликом Справедливого. Если в этом королевстве еще осталась

хоть капля чести, кто-то должен услышать наш протест.

Джулиан вдруг рассмеялся. Это был короткий, сухой смех.

— Вы ищете Справедливого? Здесь? В Бродах? Вы идеалистка, Алис. Опасное качество

для той, чья шея уже в петле.

Он снова взял нож, чтобы отрезать последний ломтик яблока. Но в этот момент

снаружи раздался особенно мощный удар грома. Мельница содрогнулась.

Джулиан, чьи руки обычно были стальными, вздрогнул — или сделал вид — и

нож выскользнул из его пальцев, упав на пол и звякнув о камень.

— Ох, прошу прощения, — он наклонился, чтобы поднять его.

Я среагировала быстрее. Это был инстинкт — вежливость, вбитая годами этикета. Я

наклонилась одновременно с ним, подхватила упавший нож за рукоять и протянула

ему.

— Ваш инструмент, милорд.

Джулиан не взял нож. Вместо этого он резко перехватил мою правую руку за

запястье. Его хватка была железной, но не болезненной — скорее властной.

Я попыталась вырваться, но он лишь крепче сжал пальцы, рывком подтягивая мою

руку к свету свечи. Мой рукав задрался, обнажая нежную кожу предплечья.

И там, в золотистом сиянии пламени, багровым огнем пульсировало клеймо. Кровный

Уговор. Багровая лоза, опутавшая мою плоть.

Джулиан замер. Его дыхание стало тяжелым. Он смотрел на клеймо так, словно видел

перед собой живую змею.

— Значит, это правда, — прошептал он. — Вы не просто спорите с законом. Вы

запечатлены им.

Он поднял глаза на меня. В них больше не было иронии. Только холодная,

безжалостная решимость человека, который нашел то, что искал.

— Вы принадлежите графу, Алис. Магия контракта уже в вашей крови. И никакие

слова, никакие «процессуальные иммунитеты» не выжгут это клеймо.

Я смотрела в его серые глаза и чувствовала, как по руке от его пальцев

распространяется странный жар. Клеймо отозвалось на его прикосновение

— оно начало жечь, но не злой болью, а чем-то другим. Признанием.

— Вы ошибаетесь, Джулиан, — прохрипела я, хотя сердце колотилось в горле. —

Магия клейма лишь фиксирует наличие обязательства. Но она не определяет его

законность. И пока я жива, я буду оспаривать каждый дюйм этой цепи.

Джулиан медленно отпустил мою руку. Но не отвел взгляда.

— Вы очень интересная женщина, — сказал он, и в его голосе проскользнула нотка,

которой там раньше не было. Уважение? Или предвкушение охоты? — Но боюсь, вы

недооцениваете силу, с которой решили бороться. Граф Олден — это лишь вершина

айсберга.

Он встал, накидывая мокрый плащ.

— Мне пора. Благодарю за ужин, Алис. Яблоки были... познавательными.

— Вы уходите в такую погоду? — я тоже поднялась, чувствуя, как дрожат колени.

— Гроза стихает, — он кивнул на окно, где дождь действительно перешел в мелкую

изморось. — А у меня появилось много дел. Нужно проверить одну теорию.

Он подошел к двери, но на пороге обернулся.

— И еще одно. Спрячьте шкатулку матери получше. Не все гости будут так вежливы,

как я. И не все будут просто есть яблоки.

Дверь за ним закрылась, впуская порцию холодного ночного воздуха.

Я осталась стоять посреди горницы, глядя на свое запястье. Клеймо медленно

гасло, возвращаясь к своему обычному черному цвету.

— Он знает, — прошептала я в пустоту. — Он всё знает.

Я подошла к столу и увидела, что Джулиан оставил на тарелке одну из долек

яблока. На ней его ножом был вырезан крошечный, почти незаметный символ.

Весы.

Это не был знак винодела. Это был вызов. Он не пришел меня спасать. Он пришел

проверить, стою ли я того, чтобы стать частью его собственной игры. Я взяла эту дольку и медленно съела её. Вкус меда на губах казался горьким. Но в моей голове уже начал выстраиваться новый план защиты. Потому что теперь я знала: мой противник — не старый граф. Мой противник — человек с серыми глазами и перстнем грифона. И этот процесс будет самым сложным в моей жизни.

Глава 9(Джулиан Вейн)

(от лица Джулиана)

Ночной воздух после грозы был густым и пах озоном, мокрой хвоей и прелой

листвой. Я ехал по размытой колее, позволяя вороному коню самому выбирать

путь. Грязь чавкала под копытами, а редкие капли дождя, срывающиеся с ветвей,

обжигали лицо холодом.

В голове, словно назойливая муха, крутился образ девчонки с мельницы.

Алис. Дочь мельника. Но в её глазах, когда она смотрела на меня над огарком

свечи, не было ничего от крестьянской покорности. Там жил разум — холодный,

отточенный, привыкший препарировать реальность на параграфы и пункты. Она не

просто «начиталась книг». Она жила логикой.

«Кто же ты такая на самом деле?» — думал я, потирая запястье, где под кожей всё

еще пульсировало остаточное тепло от её руки. Когда я перехватил её запястье, я

ожидал почувствовать страх, трепет. Вместо этого я ощутил сопротивление — не

физическое, а волевое. Словно наткнулся на клинок, обернутый в тонкий шелк.

Клеймо Кровного Уговора на её коже было настоящим. Багровая метка раба. И всё же

она ухитрялась носить её как досадное недоразумение, временную юридическую

коллизию, которую можно разрешить парой метких ходатайств.

Впереди, на холме, проступили очертания замка Олден. Угрюмая громада из серого

камня, обнесенная зубчатой стеной. В свете редких разрывов в облаках замок

казался старым, полуразложившимся скелетом, который цепляется за землю

костлявыми пальцами башен.

Я пришпорил коня. У меня было мало времени. Моё инкогнито еще держалось, но

«винодел Джулиан» не мог вечно бродить по Бродам, не вызывая подозрений у

местного лорда.

У ворот меня встретили стражники в засаленных кожанках. Сонные, воняющие

перегаром — личная гвардия Олдена была под стать своему хозяину: жадная

и расхлябанная.

— Имя? Цель визита? — буркнул один из них, поднимая факел.

— Джулиан Вейн. Представитель столичной торговой гильдии. У меня назначена встреча с его светлостью по вопросу налоговых льгот на винный импорт. Я бросил стражнику серебряный медяк. Тот поймал его на лету, попробовал на зуб и лениво махнул рукой в сторону двора.

— Проезжай. Лорд в малом зале. Злой сегодня, как цепной пес. Не советую лезть под горячую руку.

Внутри замок пах не лучше таверны: сыростью, собачьей шерстью и вековой копотью.

Я шел по коридору, отмечая детали: гобелены съедены молью, доспехи в нишах покрыты слоем пыли. Олден явно тратил деньги не на содержание родового гнезда. Куда же уходят налоги этой провинции, если замок буквально рассыпается?

Малый зал был залит светом множества свечей, но они не могли разогнать царящий здесь мрак. Граф Олден сидел в массивном кресле у камина. Ему было около шестидесяти лет, но выглядел он на все семьдесят: испитое лицо, желтоватая кожа, глубокие мешки под глазами. Он курил длинную трубку, и едкий табачный дым смешивался с запахом старого вина, стоящего в графине на столе.

— Господин Вейн? — граф даже не поднял головы, продолжая смотреть на огонь. — Вы приехали в неурочное время. Мой приказчик говорил, что вы будете завтра.

— Гроза застала меня в пути, ваша светлость, — я отвесил безупречный поклон, сохраняя на лице маску услужливого торговца. — Я решил, что лучше постучать в ваши ворота ночью, чем застрять в грязи на дороге. К тому же, у меня есть предварительный отчет по акцизам.

Олден наконец взглянул на меня. Глаза у него были маленькие, слезящиеся, но в них мерцала подозрительность загнанного зверя.

— Акцизы... — он сплюнул в камин. — Все вы в столице только и думаете, как обобрать честных землевладельцев. Садитесь. Пейте, если хотите. Но не ждите, что я буду подписывать бумаги сегодня. У меня... другие заботы.

Я сел в кресло напротив, налив себе немного вина. Поморщился — кислятина.

— Вы кажетесь обеспокоенным, ваша светлость. Надеюсь, в Бродах всё спокойно?

Граф дернул щекой.

— Спокойно? В этой дыре никогда не бывает спокойно. Мои приказчики — олухи. Мои

подданные — ленивое стадо. А теперь еще эта девка с мельницы...

Я замер, поднося кубок к губам.

— Девка с мельницы? Прошу прощения, если лезу не в свое дело, но какое отношение

простая крестьянка имеет к заботам такого могущественного лорда?

Олден резко повернулся ко мне. Его пальцы, униженные перстнями, судорожно сжали

подлокотники кресла.

— Она не простая крестьянка! — прошипел он. — То есть... конечно, она никто.

Дочь мельника. Ничтожество. Но она... она говорит вещи, которые не должна

знать. Она сорвала сбор пошлины в деревне. Она выставила моих гвардейцев со

двора, прикрываясь какими-то архаичными законами Короны!

Он замолчал, тяжело дыша. В его голосе я услышал не только гнев. Там был страх.

Настоящий, липкий страх человека, который боится, что его тайная комната

вот-вот будет взломана.

— Архаичные законы? — я приподнял бровь. — Должно быть, она наслушалась сказок

от заезжих бродяг.

— Нет! — Олден ударил кулаком по столу, заставив графин подпрыгнуть. — Она

цитировала Устав Каменных Бродов! Откуда ей знать про Lex Militaris?

Откуда ей знать про иммунитет объекта? Эта девка... она словно видит всё,

что я пытаюсь скрыть.

Он осекся, поняв, что сболтнул лишнее. Посмотрел на меня затравленно, пытаюсь

понять, сколько я успел услышать.

— Ваша светлость, — я мягко улыбнулся. — Если она мешает вашим планам, почему бы

просто не... ускорить исполнение договора? Вы ведь говорили, что она заложена по

Кровному Уговору. Женитесь на ней, и её рот будет закрыт навсегда. Таковы права

мужа.

Граф жадно припал к графину, выпивая вино прямо из горлышка.

— Жениться... Да. Это единственный путь. Мне нужна эта мельница. То есть... мне

нужна эта девка в моих руках. Но она объявила иммунитет! Мои люди не могут

переступить порог без риска обвинения в государственной измене. Она загнала

меня в угол на моей собственной земле!

Я внимательно наблюдал за ним. Олден был на грани нервного срыва. Он явно

чего-то боялся, и это «что-то» было связано не с личностью Алис, а с самой

территорией мельницы. Мои догадки о тайном наследии Хранителей получали всё

больше подтверждений.

— Это возмутительно, — сочувственно кивнул я. — Если девчонка действительно так

опасна, возможно, стоит пригласить независимого арбитра? Королевского судью,

например?

Олден побледнел так, что стал похож на покойника.

— Нет! Никаких судей! Никаких проверок из столицы! Я сам справлюсь. У меня есть

рычаги... У меня есть законные способы аннулировать её претензии. Мне просто

нужно время.

Он замолчал, глядя на огонь, и в зале воцарилась тяжелая тишина. Я понял, что

больше ничего от него не добыю. Олден закрылся.

— Что ж, ваша светлость, — я поднялся. — Вижу, мой визит сегодня некстати. Я

остановлюсь в таверне в деревне на пару дней. Когда вы будете готовы

обсудить винные квоты — пришлите за мной.

— Да... да, господин Вейн. Ступайте. Маркус проводит вас.

Я вышел из зала, чувствуя, как внутри нарастает азарт. Игра становилась всё

более масштабной. Олден явно скрывал не просто воровство налогов. Речь шла

о чем-то, что могло пошатнуть основы власти в этой провинции. И Алис — эта

странная, невозможная Алис — была в самом центре этого вихря.

Выйдя во двор, я увидел Маркуса, который ждал меня у лошадей. Он выглядел

встревоженным.

— Милорд, вы узнали что-нибудь?

— Я узнал, что наш граф до смерти боится восемнадцатилетней девчонки, — ответил

я, впрыгивая в седло. — И этот страх оправдан. Маркус, свяжись с нашими людьми

в городском архиве. Мне нужно всё: история рода Олденов за последние тридцать

лет, все данные по мельнице в Каменных Бродах и... поищите записи о женщине по

имени Элара. Жена мельника Томаса.

— Будет сделано, милорд. Куда мы теперь?

Я посмотрел в сторону мельницы. Там, в темноте, за рекой, жила женщина, которая за одну ночь превратилась из заложницы обстоятельств в самого опасного игрока в округе.

— Мы остаемся в Каменных Бродах, — сказал я, и мой голос прозвучал жестко. — Эта девка — не просто случайная свидетельница. Она — ключ к заговору, который пахнет государственной изменой. И я не позволю Олдену или кому-то еще разбить этот ключ раньше, чем я пойму, какую дверь он открывает.

Я повернулся к двум своим гвардейцам, которые сопровождали меня инкогнито.

Крепкие парни, прошедшие со мной не одну инспекцию в самых опасных уголках королевства.

— Слушайте мой приказ, — я понизил голос до шепота, который был отчетливее крика. — Отправьте троих людей к мельнице. Они должны занять позиции в лесу и на другом берегу реки. Следить за каждым её шагом. Если она выйдет за порог — докладывать немедленно. Если к ней придет кто-то чужой — брать его тихо и доставлять ко мне.

Я сделал паузу, глядя на то, как первые лучи рассвета начинают окрашивать небо в цвет запекшейся крови.

— И самое главное. Если девчонка попытается бежать или если люди графа попытаются забрать её силой до того, как я дам отмашку... — я выдержал паузу. — Вмешивайтесь. Она должна остаться живой. И она должна остаться здесь.

Она — мой главный вещдок. И, кажется, моя главная головная боль.

Я пришпорил коня, направляясь к деревне.

«Адвокатша в юбке», — усмехнулся я про себя. — «Ты думаешь, что правила защитят тебя? Ты даже не представляешь, что в мире, где правлю я, правила — это лишь способ сделать охоту более изысканной. И я не успокоюсь, пока не вынесу тебе свой вердикт».

Впереди был долгий день. И я знал, что этот день принесет нам новые

доказательства того, что в тихих омутах Бродов водятся черти,

способные проглотить даже королевское правосудие.

Глава 10

Запах старой бумаги, смешанный с едким ароматом плесени и вездесущей мучной пылью, всегда действовал на меня как бодрящая порция кофе. В моем прошлом мире я проводила в архивных комнатах и адвокатских конторах больше времени, чем в собственной спальне. Поэтому, когда я переступила порог мельничной конторы, мой мозг автоматически переключился в режим «поиск улик».

— Тут... тут беспорядок, Алис, — Томас виновато замер в дверях, потирая испачканные в мелу руки. — Ганс занимался книгами в последнее время.

Он говорит, что так удобнее... для учета.

Контора представляла собой тесную каморку, прилепленную к основному зданию мельницы. На массивном дубовом столе высились стопки пожелтевших пергаментов, стояли заляпанные чернильницы, а на полках вперемешку лежали счета, долговые расписки и образцы зерна.

Ганс — помощник отца, юноша с бегающими глазками и вечно сальными волосами — сидел на высоком табурете и что-то сосредоточенно царапал пером. При моем появлении он вздрогнул и попытался прикрыть локтем открытую книгу.

— Алис? Что ты тут забыла? — в его голосе прозвучала плохо скрытая неприязнь. —

Иди на кухню, не мешай серьезным людям работать. Лорд Брамс ждет отчета к вечеру.

Я не ответила. Вместо этого я подошла к столу и, не дожидаясь приглашения, отодвинула его локоть.

— Ганс, — мой голос был сухим и холодным, как лед на реке в январе. — С этого момента учетом занимаюсь я. Можешь идти почистить лотки для зерна. Или что

там еще входит в твои обязанности, не связанные с цифрами?

Помощник вытаращил на меня глаза. Его челюсть медленно поползла вниз.

— Да ты... ты девчонка! Что ты смыслишь в счетах? Ты же цифры от букв едва отличаешь!

Я медленно перевела взгляд на его сапоги. Новые, из хорошей кожи, с крепкими подошвами. Слишком дорогие для помощника мельника, чья семья едва сводит

концы с концами.

— Я смыслю в двойной бухгалтерии достаточно, чтобы понять, почему у моего отца в

книгах дыры размером с мельничное колесо, а у тебя — обновка на ногах, — я

улыбнулась, и Ганс невольно отшатнулся. — Вставай. Это не просьба. Это

распоряжение владелицы объекта.

— Какая еще владелица? — пискнул он, но с табурета сполз. — Томас, скажи ей!

Но отец только вздохнул и отвел взгляд. Он уже понял, что спорить со мной

бесполезно. Ганс, бормоча проклятия под нос, вылетел из конторы,

напоследок так хлопнув дверью, что с потолка посыпалась пыль.

— Зачем ты так с ним, Алис? — тихо спросил Томас. — Он верный парень. Помогал

мне в самые трудные времена.

— Мы сейчас проверим его верность, папа, — я уже открыла первую книгу. — Садись

рядом. Мне нужно, чтобы ты подтверждал каждую крупную сделку за последние два

года.

Следующие пять часов превратились в интеллектуальный марафон. Я листала

страницы, суммировала цифры в уме и выстраивала графики в своем

воображении. То, что я видела, было классической схемой хищений,

которую проворачивают мелкие клерки в любой корпорации, будь то Москва

XXI века или захолустное королевство.

— Смотри сюда, — я указала отцу на колонку расходов. — «Закупка смазки для осей

— десять серебряных марок». Месяц назад. И еще раз через две недели. Папа,

сколько смазки нужно для одного колеса?

— Ну... одного бочонка хватает на полгода, — пробормотал он, хмурясь.

— А здесь записано четыре бочонка за сезон. Куда делись остальные три?

— Может... испортились?

— Смазка не портится, папа. Она превращается в наличные в кармане Ганса. Но это

мелочи. Смотри на доходы от помола для общины Каменных Бродов.

Я перевернула несколько страниц, покрытых неряшливым почерком помощника.

— Здесь записано, что в августе мы переработали сто бушелей пшеницы от старосты

Силаса. Налог графа — десять процентов. Но вот твоя личная записная книжка,

папа.

Я вытащила из кармана маленькую тетрадь Томаса, которую он вел «для памяти».
— Ты отметил здесь, что пшеницы было сто пятьдесятбушелей. Разница в пятьдесят

бушелей просто испарилась из официальных отчетов. Пять бушелей чистого дохода

графа Олдена ушли мимо его казны.

— О боги... — Томас побледнел. — Это же воровство у лорда. Если Олден узнает...

— Олден — не дурак, папа. Он знает, сколько зерна в этой провинции. Если он не

предъявляет претензий по недостатке, значит, он либо в доле, либо... ему выгодно,

чтобы ты выглядел банкротом.

Я продолжала копать. Чем глубже я зарывалась в цифры, тем явственнее проступал

контур заговора. Это не было просто мелкое воровство помощника. Ганс был лишь

инструментом.

Я нашла странные записи на полях, сделанные тонким, почти незаметным карандашом.

Короткие коды, даты, не привязанные к рыночным дням.

— Что это за ночные смены, папа? — я ткнула пальцем в запись: «14-е число, 3

воза, груз X».

— Не знаю, — отец покачал головой. — Ганс говорил, что это возврат порченого

зерна. Мол, привозят из города, мы перемалываем в отруби для скота...

— Ночью? Без твоего присутствия?

Я встала и начала мерить тесную комнатку шагами. Пазл складывался в неприглядную

картину. Мельница использовалась как перевалочный пункт для контрабанды.

Качественное зерно из общины подменялось дешевым или порченным из

«города», а разница уходила неизвестному покупателю. Олден создавал

видимость неурожая и убыточности мельницы, чтобы оправдать перед Короной

низкие налоговые отчисления, а сам наживался на тайных поставках.

Но Олден был лишь верхушкой.

Я вернулась к книгам, ища то, что Ганс мог спрятать особенно тщательно. В самом

конце последней книги, за вклеенным листом пергамента, я обнаружила список

имен.

— Так-так... — прошептала я.

Это были не имена. Это были направления и веса. «Северный тракт — 200 мер»,

«Лесной брод — 150 мер». И рядом с каждой записью стояли одни и те же

инициалы, выведенные с какой-то особенной, почти религиозной

аккуратностью.

«В. К.»

— Папа, кто такой В. К.? У графа Олдена есть родственники с такими инициалами? Томас задумался, его лоб прорезали глубокие складки.

— Нет... Графа зовут Арчибальд. Сыновей у него нет, только покойная жена была...

Эдда. Нет у нас в Бродах никого на «В».

Я задумчиво постучала пальцами по пергаменту. «В. К.». Великий Канцлер?

Верховный Казначей? Если контрабанда идет на такой уровень, то моя

юридическая защита — это попытка остановить лавину бумажным щитом.

В этот момент дверь конторы распахнулась. На пороге стоял Ганс. Он больше не

выглядел напуганным. В его руке был тяжелый рычаг для регулировки жерновов,

а взгляд был мутным и злым.

— Нашла всё-таки? — прошипел он. — Слишком умная стала, Алис. В омуте мозги

прополоскала?

Я медленно поднялась, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул.

— Ганс, положи инструмент. Ты сейчас совершаешь преступление, которое не покрое

никакое покровительство.

— Какое покровительство? — он нервно хохотнул. — Мне обещали, что когда мельника

посадят в яму, мельница достанется мне. А ты должна была уехать в замок и сгнить

там в постели старика. Почему ты не уехала? Почему всё пошло не так?!

— Потому что я умею считать, — отрезала я. — Я знаю про «В. К.», Ганс. Знаю про

ночные смены. Если ты сейчас уйдешь, я, возможно, не внесу твое имя в список

соучастников, когда приедет королевская инспекция.

Ганс замахнулся рычагом.

— Никакая инспекция сюда не приедет! Олден здесь закон!

Он шагнул вперед, но я не шелохнулась. Я знала, что за дверью конторы есть еще

один человек. Я чувствовала его присутствие — тот самый запах дорогого табака

и озона, который я запомнила во время ужина.

— Я бы на вашем месте не был так уверен в отсутствии инспекции, юноша, —

раздался спокойный голос из-за спины Ганса.

Помощник замер. Его рука с рычагом медленно опустилась. Он обернулся и наткнулся

на ледяной взгляд Джулиана. Тот стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди.

Его дорожный плащ был сухим, а вид — пугающе официальным.

— Господин Вейн? — Ганс побледнел. — Это... это наши семейные дела...

— Когда дело касается подделки отчетности стратегического объекта Короны,

семейные дела заканчиваются, — Джулиан сделал шаг в комнату, и Ганс

буквально вжался в стену. — Алис, вы закончили аудит?

Я посмотрела на Джулиана. В его глазах я увидела то, что искала — подтверждение.

Он знал об этих книгах. Он пришел сюда именно за ними.

— Я нашла «двойную бухгалтерию» и доказательства контрабанды, — сказала я,

передавая ему книгу. — И я нашла инициалы получателя. В. К. Вам это о

чем-то говорит, господин «винодел»?

Джулиан взял книгу. Его пальцы коснулись моих, и я снова почувствовала этот

странный магический разряд. Он быстро пробежал глазами по страницам, и на

его лице на мгновение отразилось нечто похожее на гнев. Или на глубокое

разочарование.

— Говорит, — коротко ответил он. — Больше, чем мне хотелось бы.

Он повернулся к Гансу, который уже готов был сползти на пол от ужаса.

— Убирайся отсюда. Если я увижу тебя на территории мельницы после заката — ты

узнаешь, как работает закон в столице. Без адвокатов и без апелляций. Понял?

Ганс не заставил себя ждать. Он выскочил из конторы так, словно за ним гнались

все демоны преисподней.

Мы остались вдвоем. Томас, всё еще сидевший за столом, Джулиан и я.

— Вы рискуете, Алис, — Джулиан закрыл книгу и пристально посмотрел на меня. — В.

К. — это не тот уровень, на который стоит прыгать дочери мельника. Даже очень

умной.

— Я не дочь мельника, когда речь идет о законе, — я выпрямилась, глядя ему прямо

в глаза. — Я — потерпевшая сторона. И я требую правосудия. Вы ведь за этим

здесь, не так ли?

Джулиан усмехнулся. В этой усмешке было что-то новое — не ирония, а признание

силы.

— Вы чертовски проницательны. Но запомните: те, кто ищет правду в таких книгах,

часто находят только собственные могилы.

Он спрятал книгу под плащ.

— Я забираю это. Как вещественное доказательство. А вам... вам стоит подготовиться. Олден узнает об «аудите» через час. И он будет в ярости. Он развернулся и вышел, оставив нас в тишине конторы. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как клеймо на руке пульсирует — на этот раз тревожным, алым светом. Аудит на костях был завершен. Но я понимала, что только что вскрыла могилу, в которой были похоронены тайны гораздо более опасные, чем воровство зерна. И «В. К.» был тем, кто не прощает свидетелей.

На чистом листе, который остался под книгой, я заметила глубокий след от пера Ганса. Он писал имя полностью, прежде чем сократить его до инициалов. Я потерла бумагу угольком, и проступили буквы: «Виктор Корвин». Имя, которое в этом мире было синонимом слова «Палач». Я поняла, что игра перешла из разряда защиты в разряд выживания. И Джулиан — единственный, кто знал, как выжить в этой игре. Но был ли он на моей стороне?

Глава 11

Октябрьское утро выдалось туманным и липким. Река Брода, обычно весело ворчащая на перекатах, сегодня казалась застывшей ртутью. Я стояла на мостках, опустив руки в ледяную воду, и пыталась смыть с пальцев фантомное ощущение старой бумаги. Ночные откровения из бухгалтерских книг жгли разум сильнее, чем магическое клеймо — кожу.

Виктор Корвин. Имя, которое Джулиан даже не захотел произносить вслух, висело над мельницей невидимым дамокловым мечом. Если Олден — это мелкий хищник, то Корвин — это сама стихия, системный сбой, возведенный в ранг государственной политики.

— Алис...

Я не обернулась. Этот голос, полный притворного страдания и юношеской патетики, я узнала бы из тысячи. Каспиан. Красавчик с кузнечным молотом вместо сердца и пустой головой, набитой романтическим мусором.

Он стоял у старой ивы, заламывая руки. В утреннем тумане его светлые кудри выглядели почти нимбом, но я-то знала, что под этим нимбом скрывается обыкновенная трусость.

— Ты снова здесь, Каспиан, — я выпрямилась, вытирая руки о подол фартука. — Надеюсь, на этот раз без напильника?

— Как ты можешь так иронизировать? — он сделал шаг ко мне, его лицо исказилось от праведного негодования. — Я всю ночь не спал. Я видел, что ты сделала вчера на площади. И видел, как ты... как ты отбросила капитана Гаррика. Алис, это не ты.

В тебя вселился демон. Люди в деревне шепчутся, что ты ведьма!

Я медленно пошла к нему. Каждый мой шаг был выверен, как выход к трибуне.

— Люди всегда шепчутся, когда сталкиваются с тем, что выше их понимания, — холодно заметила я. — Если знание закона — это одержимость, то я неизлечима. Зачем ты пришел?

Каспиан вдруг затих. Его взгляд стал бегущим, недобрым. Он оглянулся на мельницу, затем снова на меня.

— Я видел, как ты обыскивала комнату матери. Я следил за окном, Алис. Я видел ту шкатулку.

Внутри у меня всё похолодело, но лицо осталось неподвижной маской. Ошибка.

Элементарная ошибка — я забыла о «влюбленном» сталкере, который считает своим долгом подглядывать за объектом страсти.

— И что же ты видел, Каспиан? — я подошла вплотную, глядя ему прямо в глаза. —

Пыль и старые ленты?

— Не лги мне! — он сорвался на шипение. — Там было что-то ценное. Что-то, из-за чего Олден так вцепился в твоего отца. Отдай её мне. Шкатулку. Я спрячу её в лесу. Это наш единственный шанс на спасение. Если я принесу её Брамсу... то

есть, если я её спрячу, Олден потеряет к тебе интерес.

Я замерла. Мой слух, натренированный ловить малейшие оговорки свидетелей,

зацепился за одну фразу. «Принесу Брамсу».

— Повтори, — тихо сказала я.

— Что повторить? Я говорю, давай убежим! — он попытался схватить меня за руки, но я резко отступила.

— Ты сказал: «Если я принесу её Брамсу». Ты работаешь на него, Каспиан?

Парень побледнел. Его самоуверенность осыпалась, как сухая штукатурка. Он начал

пятиться, запинаясь о корни ивы.

— Нет... ты не так поняла... я просто... они угрожали моей семье! Сказали, что если я не буду присматривать за тобой и Томасом, то кузницу сожгут!

— Присматривать? — я усмехнулась, и этот звук был острее бритвы. — В моем мире

это называется «шпионаж и пособничество». Значит, все те свидания у омута, все

те клятвы... ты просто собирал информацию для приказчика графа?

— Я любил тебя! — выкрикнул он, и в его голосе прозвучала искренняя, детская

обида. — Но ты стала другой! Ты пугаешь меня, Алис! Ты смотришь на меня как

на врага!

— Я смотрю на тебя как на предателя, — отрезала я. — Садись.

— Что?

— Садись на этот корень, Каспиан. Сейчас мы будем проводить допрос. И в твоих интересах быть предельно откровенным. Потому что, если я сейчас закричу и позову гвардейцев Джулиана, которые сидят в кустах...

Я блефовала. Я не знала точно, где люди Джулиана, но была уверена — они где-то

рядом. Каспиан рухнул на корень так, словно у него подрезали жилы.

— Джулиана? Того винодела? Так он тоже... — он осекся.

— Рассказывай всё, — я встала над ним, скрестив руки. — С самого начала. Что

Брамс обещал тебе за шкатулку? И откуда он вообще о ней знает?

Каспиан закрыл лицо руками. Его плечи подрагивали.

— Он не знал про шкатулку. Он просто сказал, что у твоей матери было

«наследство». Сказал, что если я найду что-то необычное — письма,

печати, золото — и принесу ему, то он позволит нам... мне... уехать в город.

Обещал дать денег на свою кузницу.

— И ты согласился продать меня и моего отца за кузницу в городе? — я

почувствовала, как клеймо на руке пульсирует гневом. — Очень

прагматично для героя-любовника.

— Они бы всё равно забрали тебя! — он поднял голову, и в его глазах я увидела

лихорадочный блеск. — А так у нас был бы шанс! Но теперь ты... ты связалась с

этим Вейном. Он опаснее Олдена, Алис! Я видел, как он смотрит на тебя. Он не

жениться хочет, он хочет тебя использовать!

Я проигнорировала его выпад в сторону Джулиана. Мой мозг уже обрабатывал

полученную информацию. Олден знает о «наследстве» Элары. Но не знает,

где оно. И Каспиан — его глаза и уши.

Это был идеальный шанс.

— Послушай меня внимательно, Каспиан, — я присела перед ним на корточки, понизив

голос. — Ты ведь хочешь жить? И хочешь свою кузницу?

Он испуганно кивнул.

— У тебя есть два пути. Первый: я сейчас иду к Брамсу и рассказываю, что ты

пытался шантажировать невесту графа и украсть её имущество. Как ты думаешь,

что он сделает с тобой, чтобы выслужиться перед Олденом?

Каспиан сглотнул, его кадык судорожно дернулся.

— Второй путь: ты продолжаешь на них работать. Но будешь приносить им ту

информацию, которую дам тебе я.

Парень замер, не дыша.

— Ты... ты хочешь, чтобы я был двойным шпионом?

— Я хочу, чтобы ты стал моим инструментом, — поправила я. — Ты пойдешь к Брамсу

сегодня вечером. Скажешь, что шкатулка пуста. Что там только старые письма и сушеные цветы. Скажешь, что Алис окончательно сошла с ума и постоянно говорит с каким-то «законом». И добавь... добавь, что Джулиан Вейн предложил твоему отцу выкупить мельницу за двойную цену.

— Но это же ложь!

— Это дезинформация, — я жестко взяла его за подбородок, заставляя смотреть на себя. — Она заставит Олдена нервничать и делать ошибки. А ошибки — это то, на чем я строю свои дела. Ты понял меня, Каспиан?

— А если они узнают?

— Если они узнают, я не смогу тебе помочь. Но если ты откажешься — я уничтожу

тебя прямо сейчас. Выбирай.

Каспиан смотрел на меня, и в его взгляде я видела смесь ужаса и болезненного

восхищения. Он впервые увидел во мне не «милую Алис», а женщину, которая

может раздавить его и не заметить.

— Я... я сделаю, как ты просишь, — прошептал он.

— Хороший мальчик, — я отпустила его и поднялась. — А теперь иди. И постарайся,

чтобы твой вид был максимально несчастным. У тебя это отлично получается.

Он поднялся, пошатываясь, и побрел в сторону деревни, даже не оглянувшись. Я

смотрела ему вслед, чувствуя холодную пустоту внутри.

Тридцать пять лет опыта адвокатской деятельности научили меня одному:

предательство — это не событие, это черта характера. Каспиан не

изменился. Он просто сменил хозяина, потому что новый хозяин оказался

сильнее и страшнее. Я не питала иллюзий — при первой же возможности он

продаст меня снова, если цена будет выше.

Но сейчас он был мне нужен.

Я вернулась к мельнице. Томас уже разжигал печь, и запах свежего хлеба понемногу

вытеснял из дома запах заговоров.

«Цена предательства», — подумала я, глядя на свои руки. — «В этом мире она

измеряется не только золотом, но и жизнями. И я только что купила себе еще

один день».

Я знала, что Джулиан одобрил бы мой ход. Или, по крайней мере, оценил бы его

эффективность. Но где-то в глубине души, в той части меня, которая всё еще оставалась женщиной, а не только юристом, росло горькое понимание: на этой шахматной доске у меня не осталось ни одного человека, которому я могла бы просто доверять. Кроме, возможно, того, кто сам был главной загадкой этого процесса.

Вечером, когда тени удлиннились, я нашла на пороге мельницы маленькую монету. Старую, стертую, с изображением весов. На обратной стороне была свежая царапина в форме буквы «J». Джулиан был здесь. Он слышал мой разговор с Каспианом. И эта монета была его «одобрением». Или предупреждением, что за моим «инструментом» тоже следят. Игра становилась всё более тесной, и воздух в Бродах начинал пахнуть грозой, которую не разгонит никакой утренний туман.

Глава 12(Джулиан Вейн)

(от лица Джулиана)

Рынок в Каменных Бродах по четвергам напоминал растревоженный муравейник, в который кто-то щедро плеснул дегтя. Запахи свежего хлеба, навоза, копченой рыбы и сырой шерсти смешивались в один тяжелый, плотный дух, от которого у непривычного человека начинала раскалываться голова. Но мне этот хаос нравился. Здесь, среди криков зазывал и ругани торговцев, правда всегда выплывала на поверхность быстрее, чем в тишине кабинетов. Я сидел за угловым столиком уличной харчевни, прикрывшись капюшоном дорожного плаща. Перед собой я поставил кружку сбитня, к которому даже не прикоснулся. Мой взгляд был прикован к центральной площади, где у лавки старьевщика и скобяных дел мастера решались судьбы местного масштаба. Маркус, мой верный секретарь, затаился где-то в толпе, собирая слухи. А я ждал её.

Она появилась ровно в полдень. Алис. Дочь мельника. Она шла сквозь толпу так, словно за ней невидимым шлейфом тянулась королевская мантия. В простом сером платье, с волосами, собранными в тугой узел, она не должна была привлекать внимания. Но люди невольно расступались перед ней. В её походке, в повороте головы, в том, как она поправляла выбившуюся прядь, было столько осознанного достоинства, что я невольно сжал кулак под столом. Она пришла на рынок не за лентами. Она направилась напрямик к мастеру Гарту — самому жадному и крикливому торговцу железом в этой провинции.

— Мне нужны зубья для мельничного колеса и два фута закаленной стали для оси, — её голос, спокойный и четкий, разрезал рыночный гул. Мастер Горт, мужик с лицом цвета вареной свеклы и руками-кувалдами, окинул её пренебрежительным взглядом.

— Зубья — пять серебряных за штуку, — буркнул он, сплевывая под ноги. — Сталь — еще десять. Итого двенадцать марок, девка. И плати вперед, я в долг мельничихам не даю. Олден тебя всё равно скоро приберет, с кого я тогда деньги трясти буду?

Толпа вокруг заухала. Кто-то хохотнул. Алис даже не моргнула.

— Двенадцать марок? — она приподняла бровь. — Мастер Горт, вы, должно быть,

забыли, что в Каменных Бродах действует Уложение Торговых Гильдий Первой

Эпохи. Раздел о фиксированных ценах на стратегическое оборудование для

мукомольного производства.

Горт нахмурился, его маленькие глазки подозрительно сузились.

— Чего ты несешь? Какие еще эпохи? Мой товар — моя цена!

Я подался вперед, чувствуя, как внутри разливается азартный жар. Она снова это

делала. Она лезла в дебри права, о которых здесь не слышали триста лет.

— Согласно статье двенадцатой Уложения, — Алис сделала шаг ближе, и Горт

невольно отшатнулся. — Железо, поставляемое для ремонта водяных мельниц,

облагается фиксированным сбором и не может стоить более двух серебряных марок за

единицу веса. Более того, как поставщик армейского зерна — а я принесла с собой

копию контракта интенданства — мой отец имеет право на приоритетную закупку по

льготной ставке. Итого — четыре марки за весь заказ. Плюс один медяк за

доставку.

— Ты... ты бесноватая! — Горт покраснел еще сильнее, его шея раздулась. — Нет

такого закона! Уходи, пока я собак не спустил!

— Если вы откажетесь продать товар по законной цене, — Алис сложила руки на

груди, и я увидел, как на её запястье под тонкой тканью рукава пульсирует

клеймо. — Я буду вынуждена подать жалобу в Гильдейский Суд на предмет лишения

вас патента за необоснованное завышение цен в условиях военного положения. И

поверьте, мастер Горт, когда инспекторы проверят ваши весы, которые, как я

вижу, заметно подпилены снизу, четыре марки покажутся вам величайшей милостью

богов.

На площади воцарилась тишина. Торговцы в соседних лавках замерли. Горт бросил

быстрый, вороватый взгляд на свои весы и побледнел.

— Четыре марки... — прохрипел он. — Забирай. И чтоб духу твоего здесь не было,

ведьма!

Алис хладнокровно выложила монеты на прилавок. Пока мастер Горт, дрожащими

руками, упаковывал тяжелые железные детали, она стояла, глядя прямо перед собой. В её взгляде не было триумфа. Только усталость и какая-то бесконечная, мудрая печаль.

Я смотрел на неё и чувствовал то, что в столице называли «интеллектуальным экстазом». Это было выше страсти. Выше обычного влечения. Я видел перед собой гениального игрока, который вынужден сражаться с идиотами с помощью ржавого меча, и делает это с грацией королевы.

Кто она? Откуда в теле восемнадцатилетней девчонки этот разум, этот опыт, эта стальная хватка? Дочь мельника не могла знать про «патент» и «военное положение» в таких юридических тонкостях. Это знания человека, который сам писал эти законы или защищал их десятилетиями.

Она забрала сверток и направилась прочь с площади. Я поднялся, бросив недопитый сбитень.

— Маркус, оставайся здесь, — бросил я появившемуся из тени секретарю. — Я сам. Я нагнал её в узком переулке, ведущем к реке. Тени от старых амбаров ложились здесь длинными, ломаными полосами.

— Вы мастерски владеете словом, Алис, — сказал я, идя в паре шагов позади. — Но пугать Горту гильдейскими инспекторами в месте, где инспекторов не видели со времен великой чумы... это было рискованно.

Она остановилась. Медленно обернулась. Её лицо было бледным, в глазах отражалось вечернее небо, ставшее цветом запекшейся крови.

— Риск — это часть процесса, Джулиан, — ответила она. — К тому же, весы у него действительно подпилены. Психология виновного человека — лучший союзник адвоката.

— Адвоката? — я прищурился. Это слово резануло слух. В нашем мире оно было редким, почти забытым, замененным на «поверенного» или «законника». — Вы используете странные слова.

— Слова — это просто одежда для мыслей, — она пожала плечами и попыталась продолжить путь, но я перегородил ей дорогу.

Между нами было не больше фута. Я чувствовал запах муки и осеннего ветра,

исходящий от её одежды. И еще что-то — едва уловимый аромат старых книг, который, казалось, пропитал саму её суть.

— Хватит играть в прятки, — мой голос стал тише, приобретая ту самую властность, от которой в столице бледнели министры. — Вы не дочь мельника. По крайней мере, не та Алис, которая пыталась утопиться неделю назад. Та девушка была напуганным ребенком. Вы же — опасный противник.

Она подняла на меня глаза. В них не было страха. Только вызов.

— А вы не торговец вином, Джулиан Вейн. Торговцы не смотрят на людей как на материалы для следственного эксперимента. И они не носят на поясе кинжал с эмблемой Королевской Канцелярии.

Я невольно коснулся рукояти оружия под плащом. Она заметила. Опять.

— Вы проницательны, — признал я. — Слишком проницательны для своего же блага.

Граф Олден считает вас своей собственностью из-за Кровного Уговора. Но то, что я увидел сегодня на рынке... Вы переросли эти земли, Алис. И вы стали проблемой для Короны.

— Я стала проблемой для воров и самодуров, — парировала она. — Если Корона считает это преступлением, то у Короны серьезные проблемы с законодательством.

Я усмехнулся. Моя рука непроизвольно потянулась к её лицу, но я остановился в дюйме от её щеки. Жар, исходящий от её кожи, казался почти материальным.

— Я приехал сюда, чтобы найти предателей, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. —

А нашел женщину, которая перевернула мой мир за три дня. Кто вы? Назовите свое настоящее имя.

Она молчала. Я видел, как пульсирует жилка на её шее. Клеймо на её запястье, скрытое рукавом, внезапно вспыхнуло золотым светом — так ярко, что ткань платья начала светиться изнутри.

— Моё имя не имеет значения, — прошептала она. — Значение имеет только то, что завтра Олден придет за мной. И если закон, который вы представляете, не сработает, мне придется создать свой собственный.

— Вам не придется, — я медленно отстегнул тяжелую брошь, скреплявшую мой плащ, и

откинул полу, обнажая золотую цепь Верховного Судьи. — Завтра вы не пойдете к Олдену. Завтра вы придете ко мне. В здание городского суда.

Алис посмотрела на цепь. На символ абсолютной власти Королевства над жизнью и смертью. Её зрачки расширились, но она не отступила.

— Верховный Судья Королевской Инспекции... — её голос дрогнул, но в нем слышалось скорее узнавание, чем испуг. — Значит, апелляция принята к рассмотрению?

— Я вызываю вас как официального консультанта по делу о хищениях в провинции Броды, — я выпрямился, чувствуя, как маска торговца окончательно осыпается, оставляя лишь холодный металл моей истинной сути. — И горе тем, кто попытается помешать исполнению этого приказа. Даже если это граф.

Я ждал любой реакции. Слез, благодарности, паники. Но Алис лишь слегка склонила голову — почтительный жест коллеги, признающего авторитет старшего партнера.

— В таком случае, милорд, мне нужно подготовить документы, — спокойно сказала она. — Увидимся завтра в девять. Надеюсь, в вашем суде не подпилены ножки у кресел так же, как весы у мастера Горта.

Она обошла меня и пошла прочь, не оглядываясь. Тяжелый сверток с железом она несла так, словно это был букет цветов.

Я остался стоять в тени амбара, глядя ей вслед. Моё сердце колотилось так, словно я только что выиграл самый сложный процесс в своей жизни. Но я понимал: это была не победа. Это было лишь начало дуэли, в которой я рисковал потерять нечто гораздо более ценное, чем титул или голову.

— Сумасшедшая... — прошептал я сам себе, и на моих губах расплылась улыбка, которой я не улыбался никогда прежде. — Абсолютно, восхитительно сумасшедшая.

Где-то вдалеке прокричал ворон. Вечерний туман начал наползать с реки, окутывая Каменные Броды серой пеленой. Но для меня мир вдруг стал кристально прозрачным.

Я знал, что завтра всё изменится. И я знал, что эта женщина — Алис или как бы её ни звали на самом деле — стала моим окончательным вердиктом.

Когда Алис скрылась за поворотом, из тени соседнего переулочка вышел человек. Каспиан. Его лицо было искажено смесью ярости и отчаяния. Он видел наш разговор. Он видел золотую цепь на моей груди. И в его глазах я прочел то, что Алис не заметила за своим холодным расчетом — слепую, разрушительную ревность человека, который понял, что его «милая девочка» уходит туда, куда ему никогда не будет доступа. Предательство Каспиана теперь стало лишь вопросом времени, и это время истекало быстрее, чем песок в моих часах.

Глава 13

Город встретил меня гарью, криками разносчиков рыбы и тем особым, тяжелым духом каменных сточных канав, который никогда не выветривается из старых поселений.

После затворничества на мельнице Каменные Броды казались мне шумным ульем, где каждый стремился ужалить соседа побольнее. Но я не смотрела на пестрые вывески лавок или наряды горожанок. Моя цель была выше и мрачнее — серое здание с узкими окнами-бойницами, возвышающееся над площадью, словно надгробный памятник справедливости.

Здание городского суда.

Когда я ступила на стертые ступени парадного входа, мое сердце предательски екнуло. Это была не паника — это был чистый, концентрированный восторг.

Запах старого камня, пропитанного сыростью и вековыми тяжбами, ударил в нос.

Для кого-то это был запах беды, но для Елены Викторовны, отдавшей полжизни залам заседаний, это был запах дома. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как по венам

разливается привычный холодный азарт.

— Эй, девка! Куда прешь? Тут не милостыню подают, — преградил мне путь стражник в потертом дублете, лениво опираясь на алебарду.

Я медленно перевела на него взгляд. В моей прошлой жизни такие «церберы» на

входе в министерства вытягивались в струнку после одного моего кивка. Здесь

же мне пришлось использовать то, что было под рукой — остатки адвокатского

апломба.

— Я прибыла по официальному вызову господина Вейна, — чеканя каждое слово,

произнесла я. — Если ты заставишь Верховного Судью ждать лишнюю минуту,

боюсь, твой следующий пост будет в соляных шахтах. Проверь списки или отойди

с дороги. Процессуальные задержки сегодня дорого стоят.

Стражник поперхнулся воздухом. Мой тон — сухой, властный, не терпящий возражений

— подействовал лучше любого пропуска. Он судорожно заглянул в пергамент,

висевший на стене, и его глаза расширились.

— Алис... дочь мельника? — пробормотал он. — Проходи. Но смотри мне... там строго всё.

Я прошла мимо него, даже не удостоив ответом.

Внутри здание суда напоминало склеп. Высокие своды поглощали звуки, оставляя

лишь эхо моих шагов по плитам пола. В воздухе висела густая взвесь из пыли и

запаха воска — здесь повсюду горели свечи, даже днем. Я шла по длинному

коридору, мимо закрытых дубовых дверей, за которыми решались

человеческие судьбы. Память Алис молчала — она никогда не была

здесь. Но моя душа пела. Я узнавала это место. Я знала, как скрипят эти

двери, знала, какую прохладу хранят эти стены.

Дверь в кабинет главного судьи была массивной, обитой темной кожей. У входа за

маленьким конторским столом сидел Маркус. При виде меня он вскочил, едва не

опрокинув чернильницу.

— Леди Алис! Вы... вы вовремя. Господин Судья ждет вас.

Он распахнул двери, и я вошла.

Кабинет Джулиана был под стать хозяину. Ничего лишнего. Громады книжных шкафов,

забитых свитками и фолиантами, тяжелый стол из мореного дуба и единственное

окно, выходящее на площадь. Джулиан стоял у окна спиной ко мне. На нем

больше не было дорожного плаща винодела.

Сегодня он был в судейской мантии глубокого черного цвета с серебряным шитьем по

вороту. На груди тяжелым грузом покоилась массивная золотая цепь с печатью

Королевской Инспекции. Он обернулся, и я замерла на мгновение. Мощь,

исходящая от него, была почти осязаемой. В этом облачении он казался

воплощением самого Закона — холодным, беспристрастным и бесконечно

опасным.

— Вы пришли, — произнес он, и его голос в тишине кабинета прозвучал как удар

колокола. — Я ожидал, что после вчерашнего вы проявите больше... благоразумия

и останетесь дома.

Я прошла к середине комнаты и отвесила ему безупречный профессиональный поклон —

не подобострастный реверанс крестьянки, а сдержанный кивок коллеги коллеге.
— Вы вызвали меня официально, милорд. Отказ от явки в суд по вызову Верховного

Судьи — это неуважение к Короне. Я привыкла соблюдать правила, даже если они
мне не нравятся.

Джулиан прищурился. Он медленно подошел к столу, не сводя с меня глаз. Я видела,
как он пытается найти в моем лице хоть тень того страха, который должен

испытывать человек при виде высшей власти.

— Алис, дочь мельника... — он произнес мое имя так, словно пробовал его на вкус. —

Вы понимаете, что сейчас происходит? Я раскрыл вам свой статус. В этих стенах

моё слово — последний вердикт. Вы не боитесь меня?

Я подошла ближе к столу и положила на него руки. Клеймо на моем запястье,

скрытое рукавом, отозвалось легким теплом.

— Я уважаю ваш статус, милорд. Но страх — это плохой советчик в правовых

вопросах. К тому же, у меня есть встречное предложение. Перед тем как мы

приступим к «консультациям», я хотела бы уточнить статус своей деятельности.

Джулиан сел в кресло, откинувшись на спинку. В его взгляде мелькнуло искреннее

удивление.

— Своей деятельности? Поясните.

— В моем... — я на секунду замялась, — в моем представлении о справедливости

защита интересов не может осуществляться без надлежащей лицензии. Если я

буду помогать вам в расследовании дел графа Олдена, мне необходим статус

адвоката. Или его местный эквивалент. Поверенный, защитник... называйте как

хотите. Мне нужно право доступа к архивам, право присутствия на допросах и,

самое главное, судебный иммунитет на время ведения дела.

Джулиан несколько секунд просто смотрел на меня. Тишина в кабинете стала такой

плотной, что казалось, её можно резать ножом. Затем он медленно, очень

медленно начал смеяться. Это не был издевательский смех, скорее —

искреннее, глубокое изумление.

— Адвокат? — он покачал головой. — У нас нет такого понятия, Алис. Есть истцы,

есть ответчики и есть Судья, который видит истину. Защитники — это либо родственники, либо нанятые риторы, которые умеют красиво плакать перед

троном. Вы хотите стать ритором?

— Я хочу стать тем, кто оперирует фактами, а не слезами, — отрезала я. — Вы —

Судья, вы представляете обвинение Короны. Олден — обвиняемый. Но кто

представляет интересы Закона как такового? Кто следит за тем, чтобы

процедура не была нарушена? Если вы дадите мне статус «Судебного

поверенного», я смогу копать там, куда ваши гвардейцы не дотянутся.

Джулиан встал, оперся ладонями о стол и навис надо мной. Я почувствовала запах его

парфюма — сандал и старая бумага.

— Вы просите невозможного. Вы — крестьянка. У вас нет образования, нет титула.

Если я дам вам такой статус, аристократия Бродов поднимет меня на смех.

— Аристократия Бродов уже ворует у вас под носом миллионы, — я не отвела

взгляда. — Вам нужен смех или вам нужны доказательства контрабанды

Виктора Корвина? Я нашла их в книгах Ганса. Но чтобы превратить эти

каракули в смертный приговор, мне нужно поднять архивы земельных

отчуждений за тридцать лет. Вы дадите мне допуск?

Джулиан молча смотрел на меня. В его серых глазах шла борьба. Я видела, как в

нем сражается чиновник, привыкший к протоколу, и стратег, почуявший идеальный

инструмент.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я выпишу вам временный мандат

«консультанта-архивариуса». Это даст вам право входа в хранилище

и судебную защиту на время инспекции. Но взамен...

Он обошел стол и остановился в шаге от меня.

— Взамен вы ответите мне на один вопрос. И я хочу услышать правду, Алис. Откуда

это в вас?

Он коснулся пальцами моего подбородка, заставляя поднять голову. Его

прикосновение было обжигающим.

— Где крестьянская девочка, которая должна уметь только печь хлеб и доить коров,

научилась так виртуозно жонглировать прецедентами? Где вы слышали про

«адвокатов» и «процессуальные иммунитеты»? Ваш разум... он не

принадлежит этому месту. Он слишком острый, слишком... старый.

Я слотнула. Истина была на кончике языка, но я не могла её произнести.

— Некоторые души рождаются с памятью о том, как устроен мир, милорд, —

прошептала я. — Возможно, я просто слишком внимательно слушала тишину

на мельнице. В ней иногда слышны голоса тех, кто писал законы до нас.

Джулиан не убрал руку. Его большой палец медленно провел по моей нижней губе.

Воздух между нами словно наэлектризовался. В этом кабинете, среди запаха

воска и пыли, возникло нечто, что не имело отношения к юриспруденции.

— Вы — самая опасная тайна в этой провинции, — сказал он тихо. — И я не

успокоюсь, пока не разгадаю вас до конца. Маркус!

Он резко отстранился, возвращаясь в образ холодного судьи. Вошел секретарь.

— Проводи леди Алис в нижние архивы. Выдай ей ключ от пятого сектора и подготовь

приказ о её временном назначении. Она работает на меня. Любое препятствие со

стороны городской стражи — считать личным оскорблением Верховного Судьи.

Понял?

— Да, милорд! — Маркус выглядел так, будто увидел чудо.

Я направилась к выходу, но у самой двери обернулась. Джулиан уже снова стоял у

окна, глядя на площадь. Его фигура в черной мантии казалась высеченной из

камня.

— Благодарю за доверие, господин председатель, — сказала я.

Он не обернулся, но я увидела, как вздрогнули его плечи.

— Идите, Алис. И молитесь, чтобы то, что вы найдете в этих архивах, не оказалось

тяжелее, чем вы сможете вынести.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё дрожит от возбуждения. Я получила

допуск. Я получила статус. Теперь у меня было оружие, и я знала, как им

пользоваться.

Маркус вел меня вниз, в подвалы здания суда. Мы спустились по винтовой лестнице,

глубже и глубже, туда, где воздух становился сухим и неподвижным. Когда он отпер

тяжелую железную дверь и зажег факел, я ахнула.

Стеллажи до потолка. Тысячи свитков, сотни фолиантов в кожаных переплетах, горы

пергаментов, покрытых пылью десятилетий. Это была память королевства. Его

грехи, его долги и его тайны.

Для кого-то это было кладбище бумаги. Для меня это было поле боя.

— Вот ваш сектор, леди Алис, — Маркус протянул мне тяжелый бронзовый ключ. —

Здесь записи о налогах и земельных сделках Бродов. Я буду наверху, если

что-то понадобится.

Он ушел, и я осталась одна. Я подошла к ближайшему стеллажу и провела рукой по

корешкам книг. Пыль осела на моих пальцах, и я невольно улыбнулась.

«Ну что ж, Елена», — подумала я. — «Посмотрим, что тут скрывал наш дорогой граф

под видом "неурожая"».

Я взяла первый попавшийся свиток за нужный год и развернула его. Буквы запрыгали

перед глазами, но магическое клеймо на руке снова помогло — оно словно

подсвечивало нужные строки, переводя архаичные термины на мой язык.

Я работала часы напролет, забыв о времени и голоде. И чем больше я читала, тем

сильнее становилось мое подозрение. В земельных книгах Бродов была дыра.

Огромная, зияющая дыра, касающаяся именно земель вокруг нашей мельницы.

Десять лет назад все записи о владении этим участком были либо стерты, либо

переписаны поверх.

Я начала искать записи о своей матери, Эларе. И нашла. Короткая строчка в

реестре прибывших: «Элара, без роду и племени, принята на мельницу по

распоряжению...»

Имя того, кто отдал распоряжение, было тщательно зачеркнуто чернилами, которые

магически сопротивлялись прочтению.

— Так-так... — прошептала я. — Кто-то очень хотел, чтобы ты исчезла, мама. Но

юристы знают: если документ уничтожен, значит, за ним стояло нечто

грандиозное.

Я потянулась за следующим свитком, но внезапно почувствовала, что я в архиве не

одна. Холодный сквозняк коснулся затылка, хотя дверь была закрыта.

Я медленно обернулась. В дальнем конце прохода между стеллажами, в тени, стоял

человек. Он был неподвижен, как статуя. На нем был длинный плащ, скрывающий

фигуру, и я видела только блеск его глаз в полумраке.

— Вы очень старательны, Алис, — раздался тихий, шелестящий голос.

Это был не Джулиан. И не Маркус. Голос был сухим, лишенным эмоций, и от него по

коже поползли мурашки.

— Но архивы — опасное место для маленьких девочек. Здесь можно найти правду,

которая убьет вас быстрее, чем гнев графа.

— Правда не убивает, — я крепче сжала свиток в руке. — Убивают люди, которые её

боятся. Кто вы?

Человек сделал шаг из тени. Свет факела упал на его лицо — бледное, со шрамом,

пересекающим левую щеку. На груди у него тускло блеснул значок тайной

канцелярии.

— Я тот, кто следит за тем, чтобы некоторые тайны оставались похороненными, —

сказал он. — И мой вам совет: бросьте этот свиток и возвращайтесь на

мельницу. Пока вы еще можете уйти на своих ногах.

Он развернулся и исчез в темноте так же внезапно, как и появился.

Я стояла, прижимая пергамент к груди, и слышала, как бешено колотится сердце.

Мой «официальный визит» официально превратился в смертельную игру. Но они не

знали одного: адвокаты никогда не бросают дело на середине. Особенно если

свидетель начинает угрожать.

Я посмотрела на свиток, который держала в руках. Это была карта

земельных отчуждений. И там, на месте нашей мельницы, красными чернилами было

выведено одно слово, которое заставило меня похолодеть: «Тюрьма». Не мельница,

не ферма, а Тюрьма. Я поняла, что моя мать не просто пряталась здесь. Она была

стражем. Или заключенной. И теперь я знала, что именно ищет Олден. Он ищет ключ

от камеры, в которой я живу всю свою новую жизнь.

Глава 14

Пыль в архиве казалась живой. Она танцевала в тонком луче света, пробивающемся сквозь узкое зарешеченное окно где-то под самым потолком, и оседала на моих пальцах серым бархатом веков. После ухода таинственного незнакомца со шрамом я не сбегала. Адвокаты не бегут, когда находят ключевую улику. Мы зарываемся в неё глубже.

Карта с пометкой «Тюрьма» была спрятана в складках моей юбки. Теперь передо мной на столе лежал другой объект — то самое письмо матери из шкатулки с двойным дном. Тонкий пергамент, который раньше казался абракадаброй, здесь, среди старых фолиантов, словно обрел голос.

— Ну же, мама, — прошептала я, проводя кончиками пальцев по летящим строчкам. — Дай мне зацепку.

Мой мозг работал в привычном режиме дешифровки сложных контрактов. Я искала не смысл слов, а систему. Повторяющиеся символы, интервалы, наклон пера. Но магия этого мира добавила еще одну переменную. Мое запястье.

Клеймо Кровного Уговора, которое раньше только жгло или пульсировало, вдруг начало выдавать тонкие, едва различимые вибрации. Когда я поднесла руку к письму, багровая лоза на коже вспыхнула золотом. Это был не свет — это был ключ. Магия контракта, связавшая меня с землей, теперь входила в резонанс с магией письма.

Буквы на пергаменте зашевелились. Они перетекали из одной формы в другую, пока хаос не сложился в четкие, понятные строки.

«Моей Алис. Если ты читаешь это, значит, печать на крови истончилась. Ты не просто дочь мельника. Ты — наследница Дома Валериев, Хранителей Западного Предела. Наш герб — грифон со сломанной стрелой — символ мира, купленного ценой нашей тишины. Мельница — не дом, а Якорь. Под её жерновами спит то, что никогда не должно проснуться. Олден — не просто кредитор, он вор, укравший

наши титулы в Ночь Длинных Теней. Не верь никому, Алис. Право крови сильнее любого Уговора, если ты сумеешь его заявить...»

Я замерла, боясь даже дыхнуть.

Дом Валериев. Хранители. Сломанная стрела.

Пазл сложился с сухим, шелкающим звуком захлопнувшейся ловушки. Моя мать была не просто беглой аристократкой. Она была законной владелицей этих земель. Олден — узурпатор, который не просто банкротил мельника, он методично зачищал следы своего преступления. Ему не нужна была Алис в качестве жены. Ему нужна была её смерть или полное подчинение, чтобы «Якорь» под мельницей оставался закрытым, а его право на землю — неоспоримым.

«Мошенничество с целью захвата титула и имущества», — констатировала я, и мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — «С отягчающими обстоятельствами в виде сокрытия улик и насильственного удержания».

В этом мире это называлось «политикой». В моем — «пожизненным сроком».

— Вы слишком бледны для человека, который просто читает старые налоги, — раздался голос Джулиана.

Я вздрогнула и быстро прикрыла письмо чистым листом пергамента. Джулиан стоял в дверях архива. Без мантии, в одной рубашке с расстегнутым воротом, он выглядел менее официально, но гораздо более опасно. Он был похож на хищника, который забрел в библиотеку и обнаружил, что добыча научилась читать.

— Архивы навевают тоску, милорд, — ответила я, стараясь придать голосу будничную интонацию. — Слишком много пыли и слишком мало справедливости.

Джулиан подошел к столу. Его взгляд мгновенно зацепился за мои руки, которыми я прижимала пергаменты. Он не стал спрашивать разрешения. Он просто накрыл мои ладони своими.

Его пальцы были горячими, кожа — сухой и твердой. Этот контакт был как короткое замыкание. По телу прошла волна, которую я не могла контролировать — смесь страха, азарта и того самого притяжения, которое мешает юристам объективно вести дела.

— Вы нашли что-то, — сказал он. Это был не вопрос. — Я видел человека из Тайной

Канцелярии, выходящего отсюда. Он выглядел... недовольным. Что вы ему сказали,

Алис?

— Я сказала ему, что правда не убивает, — я подняла на Джулиана взгляд. — Но,

кажется, я ошиблась. Правда здесь — самый скоропортящийся товар.

Джулиан медленно убрал руки, но не отошел. Он навис надо мной, создавая вокруг

нас пространство, в котором не было места никому другому.

— Послушайте меня внимательно. То, что вы сейчас делаете — это хождение по

лезвию. Если вы раскопали историю Дома Валериев... — он сделал паузу, и

его глаза потемнели. — Если вы поняли, чей перстень я ношу, то вы должны

понимать и другое. Я здесь не только для того, чтобы ловить

контрабандистов.

Я затаила дыхание. Клеймо на запястье пульсировало в такт его словам.

— Я здесь, чтобы восстановить цепь, — продолжал он тише. — Олден — лишь

марионетка. Тот, кто стоит за ним, хочет разбудить Якорь. И вы —

единственное препятствие на их пути. Или единственный ключ.

Я медленно вытащила письмо матери из-под листа. Скрывать его больше не было

смысла — Джулиан уже всё понял.

— Моя мать была Хранительницей, — сказала я. — А я — «Точка невозврата». Если

Олден заберет мельницу, он вскроет Тюрьму. И это будет на вашей совести,

Верховный Судья. Потому что закон, который вы защищаете, сейчас играет на

стороне вора.

Джулиан взял письмо. Он пробежал глазами по строчкам, и я увидела, как на его

челюстях заиграли желваки.

— «Право крови сильнее любого Уговора»... — процитировал он. — Она была мудрой

женщиной, ваша мать. Но она не учла одного. Чтобы заявить право крови, нужно

выжить на судебном процессе, где обвинителем будет само Королевство.

Он вернул мне письмо и вдруг резко притянул меня к себе. Его рука легла мне на

затылок, пальцы запутались в волосах. Это было не объятие, а захват — властный

и защищающий одновременно.

— Завтра Олден нанесет удар, — прошептал он мне прямо в губы. — Он не будет

ждать суда. Он обвинит вашего отца в чем-то чудовищном, чтобы выманить вас

с территории иммунитета.

— И что мне делать? — я смотрела в его серые глаза, находясь в опасной близости

от его губ.

— Делайте то, что умеете лучше всего, — Джулиан едва заметно улыбнулся, и в этой

улыбке была чистая, неразбавленная страсть к игре. — Нападайте. Не ждите защиты.

Напишите свой собственный иск к судьбе. А я... я прослежу, чтобы у вас были

чернила, которые не смываются кровью.

Он отпустил меня так же внезапно, как и притянул. В тишине архива его шаги

звучали как удары молота по наковальне.

Я осталась одна среди пыльных полок. В моих руках было письмо матери, в голове —

план судебной войны, а на губах — вкус его обещания.

«Точка невозврата пройдена», — подумала я, пряча письмо за корсаж платья. —

«Заседание переходит в закрытый режим. И теперь мы играем по моим

правилам».

Когда я выходила из здания суда, ко мне подошел нищий. Он сунул

мне в руку обрывок грязной бумаги и быстро исчез в толпе. На бумаге было

написано всего два слова: «Отец арестован». Мой мир рухнул во второй раз за

день. Олден не стал ждать завтра. Он ударил прямо сейчас, в самое сердце. И

теперь мой «статус консультанта» был лишь пустой бумажкой против кандалов

на руках Томаса.

Глава 15

Записка, переданная нищим, жгла пальцы сильнее, чем магическое клеймо. «Отец арестован». Два слова, перечеркнувшие мой триумф в архивах. Олден не стал играть по правилам, он просто перевернул доску. Типичный прием силового давления: если не можешь победить адвоката в суде, возьми в заложники его единственного свидетеля.

Я почти бежала по дороге обратно к мельнице. Сумерки сгущались, превращая придорожные кусты в уродливых горбатых чудовищ. В голове пульсировала одна мысль: шкатулка. Письмо матери и печать Валериев всё еще лежали под моей кроватью. Если гвардейцы Олдена найдут их раньше, чем я успею их спрятать, — это будет не просто проигрыш. Это будет смертный приговор для нас обоих.

Мельница встретила меня непривычной, пугающей тишиной. Водяное колесо замерло — Томас не успел поднять заслонку перед арестом. Без его мерного «тук-тук» здание казалось мертвым. Только река злобно ворчала под мостками, словно предчувствуя беду.

— Спокойно, Елена, — прошептала я, переступая порог. — Эмоции — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Анализируй.

Они придут. Обязательно. Арест Томаса — это лишь первый этап. Им нужно «наследство», о котором проболтался Каспиан. И они придут за ним под покровом ночи, чтобы не привлекать внимания тех немногих жителей деревни, в ком я вчера пробудила искру сомнения.

Я взбежала на второй этаж. Шкатулка была на месте. Я прижала её к груди, чувствуя холод бронзового замка. Куда её спрятать? Подпол? Слишком очевидно. В муку? Найдут.

Мой взгляд упал на массивные шестерни главного вала, уходящие в темноту нижнего яруса. Мельница — это не просто дом. Это сложная машина. А любую машину можно

превратить в ловушку.

Следующие два часа я провела в лихорадочной работе. В моем мире я знала физику

на уровне «не суй пальцы в розетку», но здесь, подстегиваемая магией клейма, я

видела механизмы иначе. Я видела векторы силы и точки опоры.

Первым делом я подготовила «светошумовую завесу». Мельничная пыль — вещь

коварная. В определенной концентрации в воздухе она становится

взрывоопасной. Достаточно одной искры. Я открыла нес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.